

II.

БОЛЬШЕ ГИМНЫ ГОМЕРИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ.

1.

Фрагменты большого дionисова гимна.

(№ XXXIII).

Въ московскомъ (нынѣ лейденскомъ) кодексѣ (М) собраніе гомеровыхъ гимновъ открывается небольшимъ (всего 12 стт.),—да и то уже поврежденнымъ,—фрагментомъ одного изъ большихъ гимновъ къ Діонису. Фрагментъ этотъ (а) содержитъ въ себѣ заключительныя слова рѣчи Зевса и обычное воззваніе пѣвца къ прославляемому божеству. Вотъ эти немногія строки въ русскомъ переводѣ:

- 1(10) „И поставятъ тебѣ во храмахъ много кумировъ,
„И за тройные дары (?) непрестанно въ трехлѣтніе сроки
„Станутъ люди тебѣ приносить отборныя жертвы“.
[Рекъ и черною бровью повель въ подтвержденіе Кроніонъ,
5 И съ безсмертной главы на плеча владыки скатились
(15) Кудри волной благовонной, и вздрогнулъ Олимпъ крутоверхій].
Рѣчь окончивъ, качнулъ головою Зевесъ многодумный. —
Будь же милостивъ къ намъ, женолобецъ, оплодотворитель!
Мы, пѣвцы, начинаемъ съ тебя и тобою кончаемъ:
10 Пѣсни священной нельзя завести, о тебѣ позабывши.
(20) Радуйся жъ нынѣ и вѣчно, Діонисъ-оплодотворитель,
Купно съ Семелою матерью, что зовется Θіоной ¹¹⁶⁾.

¹¹⁶⁾ Необходимо нѣсколько поясненій. Ст. 2 (11) ὥς δὲ τὰ μὲν τρία κτλ. я перевелъ, придерживаясь въ общемъ толкованія Германна (ut haec numero tria sunt, sic tibi tertio quoque anno sacra fient). Каково бы ни было внутреннее основаніе дionисовой тріэтериды, для насъ навсегда должно остаться тайною, какъ объяснять себѣ ея происхожденіе нашъ гимнографъ. Возможно, что онъ

По исчисленію Тиле (Philolog. 1884 стр. 204) приведенному отрывку предшествовало не менѣе 208 строкъ, а по мнѣнію Бюхелера (h. Ser. p. 2)—даже до 400 строкъ. Во всякомъ случаѣ это было стихотвореніе съ широкимъ эпическимъ планомъ, повѣствовавшее, вѣроятно, о рожденіи Діониса и объ установленіи его культа,—другими словами, о полученіи имъ опредѣленнаго надѣла отъ Зевса, этого верховнаго распредѣлителя божескихъ должностей и почестей (γέρα καὶ τιμὰι). Разумѣется, подобное содержаніе не могло быть уложено въ тѣсныя рамки. Оно требовало размѣровъ никакъ не менѣе тѣхъ, которые Тиле устанавливаетъ для нашего гимна. При этомъ, какъ водится, изложенію мѣста должно было предшествовать обстоятельное введеніе,—хотя бы въ родѣ того, какое сохранено у Діодора (III, 66). Послѣдній цитируетъ одинъ отрывокъ изъ неизвѣстнаго намъ гомерическаго гимна¹¹⁷⁾ въ честь Діониса, состоящій изъ 9 строкъ и какъ нельзя болѣе сходный по топу и языку съ тѣмъ фрагментомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Поэтому уже Маттіэ соединилъ ихъ оба вмѣстѣ, какъ обломки одного и того же стихотворенія. Насколько онъ, а за нимъ и другіе издатели были вправѣ это сдѣлать, читатель можетъ отчасти судить по слѣдующему переводу цитируемаго Діодоромъ мѣста (b).

1. Кто говоритъ, что въ Драканѣ, а кто,—что въ холмистомъ Икарѣ,
Или въ Наксосѣ, о зевсово чадо, оплодотворитель,
Иль у Алфея глубокопучиннаго зачать во чревѣ
И порожденъ ты Семелю Зевсу, метателю молній,—
5. Кто же напротивъ твердитъ, что въ Оивахъ, о царь, ты родился.
Ложь: породилъ тебя Зевсъ, отецъ безсмертныхъ и смертныхъ,

ставилъ ее въ связь съ какими-либо символами бога, а эти послѣдніе могли указывать либо на его дары, либо на извѣстные моменты въ его личной судьбѣ.—О Семелѣ-Θιονῆσιν. W. H. Roscher Ausführl. Lexicon der Mythol., ст. 1407 (§ 10).

¹¹⁷⁾ На принадлежность означеннаго гимна Гомеру Діодоръ указываетъ весьма опредѣленно: I, 15 μεμνησθαι δὲ τῆς Νύκτος καὶ τὸν ποιητὴν ἐν ταῖς ὕμνοις; IV, 2 καὶ τὸν Ὀμήρου δὲ τοῖσις μεμνησθαι ἐν ταῖς ὕμνοις. Напротивъ въ схоліяхъ къ Aroll. Rhod. II, 1211 стихи 8 и 9 приводимаго Діодоромъ отрывка приписываются Геродору, который однако, сколько извѣстно, стиховъ никогда не писалъ. Противорѣчіе пытались устранить различнымъ образомъ (см. Baumeister. H. N. p. 371; Guttman op. l. p. 6; Hignard op. l. p. 50; Gemoll Hymnen стр. 262). Наиболѣе правдоподобнымъ мнѣ кажется предположеніе Гемолля: Геродоръ могъ цитировать нѣсколько стиховъ изъ гомерова гимна, а схоліастъ приписалъ эти стихи ему самому.

Въ дальнихъ странахъ, таясь отъ Геры лилейнораменной.—

Ниса нѣкая есть,—гора, поросшая лѣсомъ,

Отъ Финикіи далеко, къ струямъ эгипетскимъ ближе....

Легко замѣтить, что и въ этихъ девяти строкахъ мы имѣемъ передъ собою „*navem, puppi et rostro carentem*“,—что въ нихъ заключена лишь часть вступленія къ гимну и что въ началѣ приведеннаго отрывка отсутствуетъ обычное заявленіе аэда о своемъ намѣреніи воспѣть такое то божество: мы бы могли ожидать здѣсь нѣчто въ родѣ того, что находимъ въ началѣ *h. Hom. VI, XXV, h. Callim. I, h. Orph. XXX* и т. п.¹¹⁸⁾. Тѣмъ не менѣе уцѣлѣвшая случайнымъ образомъ часть все же даетъ возможность съ достаточною вѣроятностью заключать о цѣломъ. Мы можемъ напр. видѣть, что діодорово введеніе къ гимну предполагаетъ столь же широкой эпическій планъ, какъ и сохраненное въ московской рукописи заключеніе. Мы можемъ далѣе, я полагаю, подчеркнуть троекратное употребленіе эпитета *εἰραφιώτης* (оплодотворитель) въ обоихъ фрагментахъ: эпитетъ этотъ въ другихъ извѣстныхъ намъ діонисовыхъ гимнахъ,—если не считать орфическаго гимна къ Сабазію (XLVIII, Nermann),—болѣе не встрѣчается и вообще въ произведеніяхъ греческой литературы попадаетъ весьма рѣдко¹¹⁹⁾.

Что касается времени возникновенія того большаго стихотворенія, отъ котораго до насъ дошли вышеприведенные безсвязные клочки, то врядъ ли можно на этотъ счетъ высказаться положительно. Локалізація миѳической Нисы (v. 9) „отъ Финикіи далеко, къ струямъ эгипетскимъ ближе“ повидимому указываетъ, если не на отождествленіе Діониса съ Осиридомъ, какъ полагалъ Дункеръ¹²⁰⁾, то по крайней мѣрѣ на его смѣшеніе съ соотвѣствующимъ арабскимъ божествомъ¹²¹⁾. Этимъ

¹¹⁸⁾ Съ грамматической стороны отрывокъ также представляетъ нѣкоторую неполноту: отсутствуетъ предыдущее, съ которымъ начальныя строки нашего фрагмента связаны союзомъ *γάρ* (*οὐ μὲν γὰρ Δρακόνος κτλ.*). Нельзя сослаться при этомъ на такіе примѣры, какъ *Hom. II, I, 122; V, 29; X, 174; Od. I, 337; IV, 722; Tyrt. 10, 1 (Bergk); Herod. I, 8; III, 63* и проч. Срв. Ameis къ *Od. I, 337 (Anh.)* и *Faesi* къ *Od. IV, 722*. Наше мѣсто совсѣмъ иного порядка. См. *Buchholz Anthologie aus den Lyrikern d. Griechen*³, I, стр. 122.

¹¹⁹⁾ Кромѣ словаря *Gesixia s. v.* я могу назвать лишь единственное мѣсто,—именно у Діонисія Періегета v. 576.

¹²⁰⁾ *Duncker Gesch. des Alterth.*³, VI, 230; IV, 419; V, 132 прим. 1. Возраженіе Гемолли—въ его изданіи гимновъ, стр. 362.

¹²¹⁾ Геродотъ (III, 8) отождествляетъ Діониса съ арабскимъ Ороталомъ или Уроталомъ. На самомъ дѣлѣ *Orotal* или, какъ это слово звучитъ въ арабо-сабей-

неопредѣленнымъ указаніемъ приходится довольствоваться для того, чтобы установить *terminum a quo*. Второе столь же неопредѣленное указаніе можно найти въ заключительной формулѣ (vv. 18, 19): οὐδέ πη ἔστιν σεῖ' ἐπιληθόμενον ἱερῆς μεμνησθαι ἀοιδῆς,—формулѣ, съ незначительнымъ лишь измѣненіемъ повторяющейся въ шестомъ гомерическомъ гимнѣ (vv. 58, 59). По мнѣнію Баумейстера (I. с.) стихи 18, 19 попали въ нашъ фрагментъ (α) изъ этого послѣдняго, за которымъ такимъ образомъ остается старшинство. Гемолль (I. с.) съ бѣльшимъ основаніемъ замѣчаетъ, что напротивъ предложеніе, начинающееся словами οὐδέ πη κτλ., больше на своемъ мѣстѣ въ h. Hom. XXXIII, нежели въ h. VI, и, стало быть, скорѣе въ послѣднемъ оно представляетъ плодъ заимствованія. Къ этому прибавлю отъ себя слѣдующее. Давно уже Лобекъ (Aglaoph. p. 585) отмѣтилъ странное совпаденіе стиховъ 11 и 12 нашего фрагмента (α) съ однимъ орфическимъ отрывкомъ, уцѣлѣвшимъ въ примѣчаніяхъ Олимпіодора къ платонову Фѣдону¹²²). Но, какъ предполагаетъ Лудвигъ¹²³) и какъ увидимъ ниже, и весь шестой гимнъ нашей коллекціи, съ которымъ фрагментъ московской рукописи (α) сходится въ текстѣ заключительной формулы, также связанъ тѣснѣйшими путями съ орфическимъ эпосомъ и возникъ по всей вѣроятности въ той же поэтической средѣ, которая создала псевдо-орфееву „Аргонавтику“. Естественно предположить такимъ образомъ, что и то утраченное нынѣ стихотвореніе, съ отрывками котораго мы познакомились въ этомъ параграфѣ, стояло къ произведеніямъ Орфиковъ ближе, нежели, разумѣется, позволяютъ о томъ судить находящіяся въ нашихъ рукахъ немногія строки. Но и въ нихъ есть нѣчто такое, что мнѣ кажется въ этомъ отношеніи знаменательнымъ: укажу хотя бы на мистическое имя Θіоны, съ которымъ здѣсь (v. 21) является передъ нами Семела¹²⁴), или на упоминаніе о діонисовыхъ

скомъ языкѣ, 'Attar есть женское божество, родственное финикійской Astoreth, филистимской Derceto, сирійской Atergatis, ассирійской Mylitta и проч. См. J. Halévy „Traductions des inscriptions sabéennes“ (Journ. asiatique. 1872, juin. p. 520).

¹²²) См. Hermann Orphica, p. 509, № 23: ἄνθρωποι δὲ τελέσσας ἑκατόμβας πέμψουσι πάσῃσιν ἐν ᾗραις ἀμυρίτησιν ὄργανα ἐκτελέσουσι κτλ. Н. Hom. I. с.: σοὶ πάντως τριετηρίσιν αἰεὶ ἄνθρωποι ῥέξουσι τελέσσας ἑκατόμβας.

¹²³) „Streifzüge in entlegene Gebiete der griech. Litteraturgeschichte“. Königsberger Studien, 1887, I. Стр. 66 слл.

¹²⁴) Θіона (Θωά, Θωώνη) есть божеское имя преображенной въ олимпійское божество героини Семелы. Оно совпадаетъ этимологически съ наимено-

оргіяхъ (τρίτηριδες), самое учрежденіе которыхъ древними приписывалось Орфею ¹²⁵⁾.

Въ московскомъ манускриптѣ фрагментъ (а) діонисова гимна озаглавленъ такъ: 'Ομήρου ὕμνοι. Какъ понимать это множественное число, — вѣроятно, навсегда останется загадкой. Врядъ ли можно допустить мнѣніе Бергга ¹²⁶⁾, который полагалъ, что надписъ относилась къ двумъ большимъ прозіямъ къ Діонису, стоявшимъ нѣкогда во главѣ сборника. Правдоподобнѣе сужденіе, приведенное нами выше (стр. 22, прим. 67): составитель гомерической коллекціи могъ первоначально имѣть намѣреніе весь свой матеріалъ расположить по отдѣламъ, причемъ въ каждый отдѣлъ должны были войти различные гимны къ одному и тому же божеству или же къ божествамъ, родственнымъ между собою. Если дѣйствительно было такъ, то большіе гимны къ Діонису и Деметрѣ легко могли быть подведены подъ одну категорію.

2.

Гимнъ къ Деметрѣ. *)

(№ IV).

Стихотвореніе, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь обращаемся, носитъ въ рукописи заглавіе: „τοῦ αὐτοῦ ὕμνοι εἰς τὴν δῆμητραν“, но заглавіе это не совсѣмъ точно отвѣчаетъ его содержанію, и вмѣсто

ваніемъ самаго Діониса, — Θουονεύς или Θουονίδας, и его служительницъ-вакханогъ, Θουιάδες. См. Curtius Etym.⁵ № 258 и выше прим. 116.

¹²⁵⁾ Diod. Sic. V, 75: τοῦτον τὸν θεὸν (Διόνυσον) γεγονέναι φασὶν ἐκ Διὸς καὶ Περσεφόνης κατὰ τὴν Κρήτην, ὃν Ὀρφεὺς κατὰ τὰς τελετὰς παρέδωκε διασπόμενον ὑπὸ τῶν τιτάνων.

¹²⁶⁾ Griech. Litteraturgesch. I, 744, прим. 2.

*) Литература вопроса приведена у Гемолля op. cit. p. 276 sq. съ большою полнотою, однако все же далеко не безъ пропусковъ. Намъ бросился въ глаза недостатокъ слѣдующихъ указаній, во всякомъ случаѣ важныхъ для исторіи изученія гимна: Ipp. Pindemonte Volgarizzamento del Inno a Cerere con testo greco (Bassano, 1785); Luigi Lamberti Inno di Omero a Cerere trad. (Parma. 1805); Ὑμνος εἰς τὴν Δημητραν. Ἐν τῇ Παρχῇ τοποῖς τοῦ Βοδωνίου (1805); Rob. Lucas Homer's Hymn to Ceres transl. into English verse with notes crit. and illustr. (London. 1781); R. Hole Homer's Hymn to Ceres transl. into Engl. verse (Lond. 1781); Chr. Gr. zu Stolberg Homer's Hymnus an Dämätär (Deutsch. Museum, 1780, II, Novemb. Стр. 385 сл.); Kämmerer Hymnen, Epigr. u. Batrach. (Marb. 1815); H. L. Nadermann Hymne an Demeter übs. (Münster. 1818); E. Döhler Der

словъ „εἰς τὴν δῆμητραν“ мы бы скорѣе могли ожидать „εἰς τὸ θεῶ“ или „εἰς τὰς μεγάλας θεάς“ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ такъ называемый гимнъ къ Деметрѣ обращенъ къ обоимъ божествамъ элевсинскаго культа и передаетъ въ довольно подробномъ изложеніи миѳъ о похищеніи Персефоны Аидомъ и о ея возвращеніи изъ царства тѣней въ объятія тоскующей матери,—тотъ самый миѳъ, который лежалъ въ основаніи элевсинскихъ таинствъ. И уже съ первыхъ словъ неизвѣстный авторъ гимна вводитъ насъ въ средину описываемыхъ имъ событій. Вотъ какъ начинается онъ свое произведеніе:

Пѣснь зачинаю во славу Деметры прекрасноволосой,
Достоцитимой богини, и дщери ея легконогой, —
Той, что похитилъ Аидъ съ изволенія Зевса-провидца,
Тайно отъ златопрестольной, дарами обильной Деметры.
Разъ, полногрудыхъ собравъ вокругъ себя дочерей Океана,
Рвала богиня цвѣты на лугу, безпечно рѣзвися, —
Розы, шафранъ да фіалки, касатки да гіацинты,
Да нарциссы: на гибель дѣвѣ румяной взростила
Гея коварная этотъ цвѣтокъ Полидектѣ въ угоду,
Волѣ Зевеса послушная,—пышной блисталь онъ красою
Всѣмъ на диво,—безсмертнымъ богамъ и смертнымъ людямъ и т. д.

Прельстившись видомъ цвѣтка, Персефона простерла къ нему обѣ руки, но въ эту минуту разверзлась земля, и изъ глубины ея появился мрачный богъ преисподней, бросился на дѣвушку и увлекъ ее въ свое туманное царство. Крикъ смертельнаго ужаса вылетѣлъ у нея изъ груди, и на этотъ крикъ въ смятеніи и страхѣ поспѣшила Деметра, но уже было поздно: Персефона исчезла безслѣдно. И вотъ Деметра съ растерзаннымъ покрываломъ, съ распущенными волосами, окутанная въ траурное одѣяніе, безъ усталости и отдыха, безъ пищи и питья начинаетъ скитаться въ безплодныхъ поискахъ за дочерью по сушѣ и по морю,

Homeridische Hymnus auf Demeter, metrisch übersetzt u. mit einigen Bemerkungen üb. d. griech. Myserien begleitet (Brandenburg. 1864); A. Legouëz Hymnes homériques, traduction littérale et commentaire grammatical (Paris. 1875).—Briefe üb. Homer. u. Hes. v. Hermann und Creuzer (Heidelb. 1818); Creuzer Symbolik (IV, стр. 250 слл., а также во франц. переводѣ Guigniaut Rel. de l'antiquité, III, p. 1098 sqq.); Strube Studien üb. d. Bilderkreis von Eleusis (Leipzig 1870); Daremberg et Saglio Dictionn. des antiq. gr. et rom. fasc. VII (Ceres, p. 1053 sqq.).

освѣщая себѣ путь факелами. Девять дней и девять ночей бродитъ она такимъ образомъ. На десятый день встрѣчается съ нею Геката. Она также слышала крикъ Персефоны, но не видѣла похитителя, и лишь Геліосъ-всевидецъ можетъ открыть его имя. Обѣ богини устремляются къ нему, и отъ Геліоса наконецъ злополучная мать узнаетъ подробности ужаснаго происшествія. Тогда въ злобномъ отчаяніи оставляетъ она свѣтлую семью Олимпійцевъ и удаляется къ людямъ, стережъ съ своего лица всѣ признаки божественнаго происхожденія (*εἶδος ἀμαλδύ-voυσα*) и принявъ на себя видъ простой старухи (vv. 1—94).

Деметра направилъ путь свой прямо въ Элевсинъ. Здѣсь она сѣла у проѣзжей дороги, близъ источника, къ которому ходили почерпнуть воду городскія дѣвушки. Въ это время сюда пришли за водою дочери Келея, царя той страны. Онѣ не узнали богини, — да и нелегко смертному узнать небожителя, когда онъ не желаетъ быть узнаннымъ, — но скорбный видъ незнакомой женщины внушилъ имъ состраданіе. И вотъ на участливые распросы царевнѣ Деметра рассказываетъ вымышленную исторію о томъ, что родомъ она изъ острова Крита, что ее похитили морскіе разбойники, отъ которыхъ ей удалось ускользнуть у Θорика, и что ей не осталось теперь ничего инаго, какъ поступить въ услуженіе въ какой нибудь изъ благородныхъ домовъ Элевсина. Дѣвушки отводятъ богиню къ матери своей Метанирѣ, и та вручаетъ ея попеченіямъ своего новорожденнаго сына Демофонта:

„Мальчика этого ты мнѣ вскорми“, —
говоритъ она ей, —

даровали его намъ

„Боги нежданно-негаданно, слухъ свой къ мольбѣ преклонивши.

„Если его возростишь, и достигнетъ онъ юности красной,

„То, повѣрь мнѣ, немало тебѣ завидовать будутъ

„Нѣжныя жены, — столько подарковъ отъ насъ ты получишь“. —

И Деметра съ рвеніемъ принимается за исполненіе добровольно взятыхъ на себя обязанностей: она ухаживаетъ за младенцемъ, какъ за богомъ, смазываетъ его тѣло амбросіей, согрѣваетъ его собственнымъ дыханіемъ и, чтобы сообщить ему безсмертіе, по ночамъ кладетъ ребенка въ огонь. Демофонтъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Но любопытство Метанеры портитъ все дѣло: она начинаетъ слѣдить за поведеніемъ няни и, видя своего сына въ пламени, не можетъ удержаться отъ

крика ужаса. Это непрошенное вмѣшательство заставляетъ раздраженную богиню обнаружить свое происхожденіе. Она повелѣваетъ выстроить себѣ въ Элевсинѣ храмъ и переселяется туда изъ царскаго дома (vv. 94—305).

Между тѣмъ гнѣвъ неутѣшной Деметры влечетъ за собою и для смертныхъ, и для бессмертныхъ самыя плачевныя послѣдствія: земля перестаетъ давать урожан, люди гибнутъ отъ голода, и боги лишаются обычныхъ жертвъ. Все это заставляетъ Зевса пораздумать о томъ, какъ бы примириться съ богиней, и онъ шлетъ къ ней съ Иридою, златокрылою вѣстницею боговъ, приглашеніе возвратиться на Олимпъ. Но Деметра неумолима: она не иначе прекратитъ свою вражду къ небожителямъ, какъ подъ условіемъ возвращенія Персефоны изъ царства мрака, и не только Иридѣ, а и цѣлому сонму боговъ не удастся поколебать ея рѣшеніе. Зевсу приходится такимъ образомъ отправить новое посольство,—на этотъ разъ къ повелителю преисподней, отъ котораго онъ требуетъ для Персефоны разрѣшенія покинуть туманную область Эреба. Разрѣшеніе это дается безъ труда, но, прежде чѣмъ отпустить свою молодую супругу, Аидоней заставляетъ ее съѣсть зерно гранатоваго яблока. Этимъ обезпечиваетъ онъ для себя ея возвращеніе. И дѣйствительно, отнынѣ ей предоставляется лишь двѣ трети года проводить съ матерью, на зиму же она должна вновь отправляться въ печальное обиталище тѣней. Но Деметра довольствуется уже и этимъ: ласками осыпаетъ она дочь и въ задушевной бесѣдѣ съ нею забываетъ прежнія лютыя скорби (vv. 306—441).

Бесѣду эту прерываетъ появленіе Реи, получившей отъ Зевса наказъ тотчасъ же привести съ собою на Олимпъ обѣихъ богинь: незначѣмъ долѣе откладывать примиреніе. Но Деметра, прежде чѣмъ послѣдовать за новою посланницею своего державнаго брата, спѣшитъ вывести помертвѣлую природу изъ ея оцѣпененія, благословляетъ луга и нивы своими благодатными дарами и царямъ Аттики,—Триптолему, Діоклу, Эвмолпу и Келею,—преподаетъ наставленія относительно чина своихъ таинственныхъ оргій (vv. 442—483).—Только тогда возвращаются въ семью Олимпійцевъ богини. Счастливъ тотъ, къ кому онѣ благосклонны: его домъ онѣ дѣлаютъ полною чашею (vv. 484—490).

Таково содержаніе гомерическаго гимна къ Деметрѣ. Стихотвореніе это, сохранившееся только въ одномъ кодексѣ (*М*), подобно другимъ нумерамъ нашей коллекціи далеко несвободно отъ порчъ текста, и это, разумѣется, даетъ поводъ современной гиперкритикѣ заподозрѣвать единство и цѣльность его; но, что касается эпической полноты и законченности разсказа, то, я полагаю, всякій безпристрастный судья согласится, что трудно найти поэтическое произведеніе, которое бы въ большей степени отличалось послѣдовательностью изложенія, соразмѣрностью частей, выдержанностью плана, отсутствіемъ эпизодическихъ наростовъ и непрерывностью интереса. Какъ въ „Иліадѣ“ гнѣвъ Ахилла, такъ здѣсь гнѣвъ Деметры служитъ основною темою, — тѣмъ ядромъ, изъ котораго поэтъ съ рѣдкимъ искусствомъ развиваетъ цѣпь разнообразнѣйшихъ слѣдствій и вокругъ котораго собираетъ подробности, найденныя имъ въ преданіяхъ греческой старины. Вообще сравненіе нашего гимна съ великою эпопеею троянскаго цикла позволяетъ установить между сюжетами ихъ не только въ общемъ, но и въ деталяхъ нѣкоторое соотвѣтствіе: оскорбленная въ своемъ материнскомъ чувствѣ Деметра отрекается отъ божескихъ функцій и, покинувъ Олимпъ, проводитъ годъ въ уединеніи — совершенно подобно тому, какъ оскорбленный въ своихъ правахъ Ахиллъ отказывается отъ функцій воина и уединяется въ своей палаткѣ, оставивъ сонмъ вождей ахѣйской рати; гнѣвъ богини, какъ и гнѣвъ героя, немедленно вызываетъ гибельныя послѣдствія, и обидчикъ ея (Зевсъ), какъ и обидчикъ Ахилла (Агамемнонь), покоряясь необходимости, идетъ на примиреніе; посланничество Ириды имѣетъ то же значеніе и сопровождается тѣми же результатами, что и посланничество Фэникса, Аякса и Одиссея (П. IX), — герой и богиня оказываются одинаково упорно-непримиримыми; Персефона является какъ бы противнемъ Брисейды: обѣ становятся жертвами насильственнаго увода, а потомъ своимъ возвращеніемъ полагаютъ конецъ гибельной распрѣ¹²⁷⁾.

Исторія похищенія и возвращенія Керы и искусно связанная съ нею авторомъ гимна исторія учрежденія элевсинскихъ таинствъ въ

¹²⁷⁾ Сходство сюжетовъ не могло конечно ускользнуть и отъ древнихъ. Оттого авторъ утраченнаго орфическаго стихотворенія на ту же тему въ подражаніе Гомеру начиналъ свою поэму словами: *μῆνιν ἄειδε θεὰ Δημήτηρος ἀγλαοκάρπου*. Justin. Cohort. XVI, 81 (Hermann Orphica, p. 478).

значительной степени облечены мистическимъ характеромъ, и это обстоятельство не можетъ не отражаться на всемъ произведеніи, которое въ общемъ страдаетъ нѣсколько холодною, сухостью и аффектаціей. Мѣстами вредитъ также впечатлѣнію пристрастіе поэта къ преувеличеніямъ: напр. описаніе стоглаваго нарцисса, выращеннаго Геею для того, чтобы удалить жертву Аидонея отъ ея подругъ, по моему просто чудовищно. За то отчаяніе обманутой матери изображено правдиво и съ чувствомъ; сцена у колодца отличается живымъ юморомъ, естественностью и граціей; рассказъ о бѣдствіяхъ, послѣдовавшихъ за гнѣвомъ Деметры, и о затрудненіяхъ Зевса, несмотря на сжатость, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ стихотворенія. Нѣсколько вяло, натянута и отрывочно описаніе встрѣчи матери съ дочерью, къ тому же обезображенное порчею текста въ самой рукописи; но заключеніе изящно и возвышенно,—его тонъ вполне отвѣчаетъ серьезному содержанію всего гимна. Вообще стиль стихотворенія, если слѣдовать терминологіи древнихъ реторовъ, должно отнести къ такъ назыв. „medium genus dicendi“, въ которомъ пальму первенства по словамъ Квинтилиана (Inst. or. X, 1, 52) стяжалъ себѣ Гесіодъ. Это подтверждается между прочимъ и наблюденіями надъ языкомъ и метромъ нашего памятника.

Какъ въ большей части древне-греческихъ поэтическихъ произведеній, языкъ разсматриваемаго гимна отличается замѣтною глазу пестротою формъ и оборотовъ. Основной фонъ,—такъ сказать, канву его составляетъ эпическій діалектъ, насколько онъ извѣстенъ намъ по пѣснямъ Гомера; но на этомъ фонѣ яркими пятнами выступаютъ реченія, чуждыя послѣднимъ,—частью аттическія: εἰργηται (v. 102), τιμή (v. 132), τηρέω (v. 142), δεσπότης (v. 144), χλεύη (v. 202), ἐπιτηρέω (v. 245), αἶψιν τινός (v. 251), ἐλαινός (v. 285), Ἀιδης (v. 348), δεσπόζω (v. 366), ἀδικέω (v. 368), προσαναγκάζω (v. 414), ὥδῃ (v. 495),—частью новоіоническія: εὐήρως (v. 106), κουρήϊος (v. 108), ἀφ᾽ ἧλις (? v. 140), γλήχων (v. 209), θυσίη (v. 313),—частью эолическія: φαίνολις (v. 51), φέγγος (v. 279), σχήσειςθα (v. 367), κόρη (v. 440),—частью наконецъ даже дорическія: τιμάχορος (v. 269), λιμός fem. (v. 312), ἥρος (v. 456)¹²⁸).

¹²⁸) См. K. Franke De hymni in Cererem homerici compositione, dictione, aetate (Kiel. 1881), p. 11—21, 25. По вопросу объ аттицизмахъ въ языкѣ гимна см. также Schürmann De hymni in Cererem aetate (Münster. 1850), p. 47 sq.

Дигамма въ пору составленія гимна очевидно перестала быть живымъ звукомъ, и, если еще сохранились тамъ и сямъ ея слѣды, то, какъ и вообще въ произведеніяхъ позднѣйшихъ іонійскихъ рапсодовъ, они сохранились въ традиціонныхъ, стереотипныхъ формулахъ, унаслѣдованныхъ отъ старины. Таковы напр.: *πίονα ἔργα* (v. 93), *δῶματα ἡχέεντα* (v. 104), *δαίμονι ἴσος* (v. 235), *θεοῖσι δέ τ' ἅντα ἐφκει* (v. 242), *ἄφθιτα εἰδώς* (v. 322), *τέτμε δὲ τόνγε ἄνακτα* (v. 343), *θαῦμα ἰδέσθαι* (v. 428), *ἀλλὰ ἔκχλον* (v. 452); но имъ можно противопоставить длинный рядъ другихъ мѣстъ, гдѣ всякій слѣдъ дигаммы, какъ произносимаго консонанта, стертъ и изглаженъ (напр. стихи 6, 35, 49, 66, 75, 117, 140, 144, 174 и мн. др.)¹²⁹⁾. Въ номинальной флексіи часто (22 раза) вмѣсто древне-іоническихъ суффиксовъ *ασι* и *οισι*, которые однако еще въ произведеніяхъ Солона могутъ быть повсюду возстановлены, попадаются весьма позднія окончанія *αις* (*ης*) и *οις*¹³⁰⁾. Фразеологія также подчасъ значительно отличается отъ гомерической: чѣмъ то несвойственнымъ гомерову языку вѣдетъ отъ такихъ оборотовъ, какъ напр. v. 126 *νηὶ θεῶν Θορικόνδε κατέσχεθον*; v. 249 *τέχνον Δημοφρόν* (зват. надежь!); v. 318 *πεῖθετο καὶ τὸ μεσηγὺ διέδραμεν*¹³¹⁾ и т. п. Что же касается метрическихъ особенностей нашего гимна, то въ этомъ отношеніи, правда, отклоненія отъ эпической нормы¹³²⁾

¹²⁹⁾ См. A. Fick Die ursprüngliche Sprachform der hom. Hymnen (Bezenb. Beitr. IX, стр. 199). Гораздо болѣе благоприятные результаты добылъ H. Flach, возстановившій дигамму въ нашемъ стихотвореніи (правда, съ большими натяжками) въ 81 случаяхъ (Das nachhesiod. Digamma.—Bezenb. Beitr. II, стр. 25 слл.). Въ удобной для обозрѣнія формъ весь матеріалъ собранъ у Эбергарда Metr. Beobacht., II, стр. 23 сл.

¹³⁰⁾ Fick l.l.

¹³¹⁾ По счету Фиткау (De carminum Hesiod. atque hymnorum IV magnorum vocabulis non homericis. Königs. 1866) и Виндинна (De hymn. Hom. majoribus. Leipz. 1867), которымъ слѣдуетъ и Гутше (Quaestiones de hom. hymno in Cer. Hal. 1872), въ гимнѣ къ Деметрѣ 9 стиховъ цѣликомъ заимствованы изъ Гомера, 45—лишь на-половину или отчасти, въ 154-хъ встрѣчаются гомерическія формулы. Словъ и реченій негомерическихъ насчитываютъ въ этомъ гимнѣ 93; изъ нихъ 18 попадаютъ кромѣ того и у Гесіода, 23—у Пиндара.

¹³²⁾ Sit venia verbo. Теперь конечно врядъ ли есть люди, которые, какъ въ былое время, „*ovum non putant ovo similius esse, quam, si sex pedes habeat, hexametrum hexametrum*“ (Hermann Orphica, p. 686): вѣдь извѣстно, что и въ пѣсняхъ Гомера, не говоря уже о позднѣйшихъ эпикахъ, метрическія формы отличаются поразительнымъ разнообразіемъ, такъ что выраженіе „норма“ должно, разумѣется, имѣть въ настоящемъ случаѣ чисто условное значеніе. Намъ необхо-

менѣе рѣзки и менѣе численны, однако они все же есть. Сюда относятся напр. сравнительно болѣе частое употребленіе весьма рѣдко встрѣчаемой у Гомера формы гексаметра съ дактилями въ двухъ первыхъ стопахъ и спондеями въ остальныхъ ¹³³⁾; между тѣмъ очень употребительное въ гомеровыхъ пѣсняхъ трехсложное окончаніе стиха попадаетъ напротивъ въ гимнѣ гораздо рѣже ¹³⁴⁾. Въ продолженіи (productio) по требованіямъ размѣра краткихъ и сокращеніи (correctio) долгихъ гласныхъ авторъ нашего стихотворенія кое-гдѣ также отступаетъ отъ Гомера. Таково напр. допускаемое имъ (v. 382) въ тезисѣ ὄδωρ (у Гомера возможно только въ арсисѣ) ¹³⁵⁾, таково ἄϊεν (v. 25,— у Гом. всегда ἄϊεν за единственнымъ исключеніемъ II. XXI, 388), ἀάσθη (v. 247—у Гом. ἀάσθη), Ελευσίνιδαο (v. 105), 'Ελευσίνιον (v. 267,—единственная параллель Soph. Antig. v. 1120) и др. ¹³⁶⁾.

* * *

Въ отношеніи вопроса о времени происхожденія разсматриваемаго памятника, его авторѣ и его первоначальной формѣ мнѣнія ученыхъ весьма разнообразны. Такъ Рункенъ, первый издатель гимна, находилъ, что на немъ лежитъ „плѣсень глубокой древности“, *χρὺς ἀρχαιοπινής*, такъ что авторомъ его могъ быть только поэтъ, жившій вскорѣ послѣ Гомера или во время Гесіода. Въ доказательство такого своего мнѣнія онъ ссылаясь на чутье, которое де должно подсказать то же самое каждому свѣдущему человѣку: „hoc a peritis“, читаемъ въ предисловіи къ его изданію, „sentiri potest, imperitis, quid sit, explicari non potest“ ¹³⁷⁾. При этомъ, разумѣется, онъ не подвер-

дима опредѣленная мѣрка, а такую мѣркою естественнѣе всего избрать то, что наиболѣе обычно языку и метру древнѣйшихъ эпическихъ пѣсней.

¹³³⁾ Въ нашемъ гимнѣ отношеніе этой формы къ остальнымъ выражается числами 1:124; въ „Иліадѣ“ это отношеніе равно 1:1962, въ „Одиссеей“—1:2420. См. Eberhard op. l., I, p. 9 sq. 135.

¹³⁴⁾ По вычисленіямъ Беккера (Horn. Blätter, I, 148) почти половина всего количества стиховъ въ „Иліадѣ“ и „Одиссеей“ имѣетъ трехсложное окончаніе, въ гимнѣ къ Деметрѣ—только 179 стиховъ изъ 496 (Eberh. I. p. 14).

¹³⁵⁾ Германнъ устранилъ различіе, предложивъ чтеніе ὄδωρ' ἄϊεν, принятое Гемоллемъ и Зуле (De hymno Horn. IV in Venerem. Stolp. 1878, стр. 20).

¹³⁶⁾ См. Eberhard op. cit. II, p. 29; Gutsche op. cit. p. 17.

¹³⁷⁾ Это чутье подсказало однако Бергку совершенно иное. По его взгляду напротивъ „das Gedicht macht keinen entschieden alterthümlichen Eindruck“. LG. I, стр. 769.

галь никакому сомнѣнію цѣльность произведенія: по его убѣжденію оно дошло до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Фоссъ, не сомнѣваясь подобно Рункену въ единствѣ гимна, принялъ однако для его автора гораздо болѣе позднюю хронологическую дату,—именно 30-ю олимпиаду, и это заключеніе подтвердилъ старательнымъ разборомъ языка и мѣологическихъ представленій поэта. Онъ же первый высказалъ и то предположеніе, что памятникъ возникъ на аттической почвѣ, такъ какъ языкъ его богатъ аттицизмами, а содержаніе заимствовано изъ области аттическихъ преданій,—и даже болѣе, что возникъ онъ въ кругу элевсинскаго жречества и цѣликомъ принадлежитъ къ области поэзіи культа. Такимъ образомъ, если неизвѣстный гимнографъ и можетъ быть названъ Гомеридомъ, то лишь въ смыслѣ „пѣвца на гомеровъ ладъ“ (Sänger in Homers Tonweise). Совершенно иначе посмотрѣлъ на дѣло Игнарра. Этотъ итальянскій ученый обратилъ во первыхъ вниманіе на несоотвѣтствіе между тѣмъ текстомъ гимна, который сохраненъ намъ московскою рукописью, и тѣмъ, который повидимому находился въ рукахъ Павсанія, цитирующаго наше стихотвореніе въ четырехъ мѣстахъ своего „Описанія Греціи“ (I, 38, 2; 38, 3; II, 14, 3; IV, 30, 4); съ другой—его смутило также и слѣдующее обстоятельство: Павсаній, желая доказать, что цвѣтокъ нарциссъ существовалъ задолго до Нарцисса есепійскаго, ссылается (IX, 31, 6), какъ на наиболѣе древнее свидѣтельство, не на гомерическій гимнъ, а на гимнъ Памфа, этого старѣйшаго барда Аттики, излагавшаго, очевидно, исторію похищенія Коры точно такъ же, какъ изложилъ ее и нашъ гимнографъ. Принимая все это въ соображеніе, Игнарра рѣшилъ, что Павсанію наша редакція гимна не была извѣстна и что тѣ гимны Гомера и Памфа, на которые онъ ссылается, были совершенно особые, для насъ нынѣ невозвратно утраченныя стихотворенія, послужившія наравнѣ со многими другими подобными субстратомъ для разсматриваемаго литературнаго памятника. Этотъ послѣдній возникъ, стало быть, послѣ Павсанія; онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ какому нибудь ученому грамматiku, соединившему въ немъ фрагменты древнихъ стихотвореній однороднаго содержанія, но разныхъ авторовъ и эпохъ¹³⁸⁾. Мнѣніе это было успѣшно опровергнуто Ильгеномъ, который, правда,

¹³⁸⁾ Ignarra ap. Mitscherlich Hom. H. in Cer. (Lips. 1787), p. 239 sqq.

также призналъ за гомерическимъ гимномъ къ Деметрѣ довольно позднее происхожденіе, однако не усумнился въ томъ, что во всякомъ случаѣ онъ возникъ до Павсанія; не усумнился Ильгенъ равнымъ образомъ и въ томъ, что все стихотвореніе за исключеніемъ развѣ только, быть можетъ, стиховъ 477—482 и 486—489 принадлежало одному поэту, подражавшему гимнамъ Гомера, Памфа и Мусэя и иногда заимствовавшему изъ нихъ цѣликомъ отдѣльныя выраженія и даже цѣлые пассажи ¹³⁹⁾. Однако сомнѣнія Игнарры все же не утратили своего вліянія на изслѣдователей, и подъ этимъ вліяніемъ Маттіэ разсѣкъ нашъ гимнъ на двѣ части,—древнѣйшую (vv. 1—304) и позднѣйшую (vv. 305—496). Изъ нихъ вторую онъ отнесъ ко времени послѣ Павсанія и призналъ за мозаичную работу какого нибудь посредственного компилятора, пользовавшагося разнороднымъ матеріаломъ, а отчасти присочинявшаго и отъ себя; что касается первой, которую онъ приурочилъ къ періоду времени отъ Гомера до Гесиода, то и въ ней многое казалось ему непервоначальнымъ (именно стихи 22—37, 87, 153—155, 165, 205, 254, 265—267). ¹⁴⁰⁾

Такимъ образомъ неприкосновенное дотолѣ единство стихотворенія было разрушено однимъ взмахомъ пера, и хотя дѣленіе Маттіэ построено на весьма шаткихъ основаніяхъ, однако его анатомическіе приемы не замедлили найти сторонниковъ и подражателей. Большинство изслѣдователей, принимавшихся послѣ него за нашъ гимнъ, считало уже своею обязанностью подойти къ нему именно съ этой стороны, отыскать въ немъ какой нибудь новый пропускъ, какую нибудь новую непоследовательность. На этой почвѣ стоялъ между прочимъ и Германнъ. То представленіе, которое составилъ себѣ знаменитый критикъ о способѣ возникновенія большихъ гомеровыхъ эпоей (срв. *Opusc. VI*, 1 p. 86 sq.), онъ примѣнилъ вполне и къ разбираемому произведенію, въ которомъ усмотрѣлъ слѣды по крайней мѣрѣ двухъ различныхъ рецензій. Допуская повидимому ¹⁴¹⁾, что авторъ гимна къ Деметрѣ былъ поэтъ, близкій ко временамъ Гомера, если не самъ Гомеръ, Германнъ призналъ въ этомъ гимнѣ подлиннымъ все, что согласо-

¹³⁹⁾ Ilgen *Hom. Hymni*, p. 501.

¹⁴⁰⁾ *Matthiae Animadv.* p. 75 sqq., 349 sqq.

¹⁴¹⁾ Говорю „повидимому“, потому что опредѣленно Германнъ на это не указываетъ.

лось по его мнѣнію съ языкомъ и духомъ „Иліады“ и „Одиссеи“, а какъ многое въ лексическомъ и иныхъ отношеніяхъ сюда не подходило, то, разумѣется, ему ничего болѣе не оставалось, какъ все отклонившееся отъ принятой нормы приписать рукѣ позднѣйшаго діаскеваста. Подобную же участь испытали и всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ чтенія московскаго кодекса разошлись съ цитатами Павсанія: этимъ послѣднимъ Германнъ отдалъ рѣшительное преимущество передъ первыми, которыя не обинуясь отнесъ къ позднѣйшей рецензій ¹⁴²⁾. Разсматриваемое съ такой точки зрѣнія стихотвореніе получило естественно въ его изданіи довольно пестрый видъ: до 30 стиховъ подверглось атетезѣ (vv. 47, 108—110, 202—205, 211, 407, 414, 420, 425, 439—441, 478, 481—483, 491—496) да кромѣ того во многихъ мѣстахъ въ сплошномъ текстѣ гимна были отмѣчены пропуски, нарушавшіе въ глазахъ Германны послѣдовательное теченіе разсказа. Тѣмъ не менѣе всѣ эти измѣненія—ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя вскорѣ затѣмъ были предприняты другими реставраторами нашего гимна и прежде всего Преллеромъ.

Преллеръ въ своемъ обширномъ и доселѣ неутратившемъ научнаго значенія изслѣдованіи „Demeter und Persephone“ подвергъ гомерическій гимнъ къ Деметрѣ самому тщательному и всестороннему анализу, причемъ подобно Германну открылъ въ традиціонномъ текстѣ цѣлый рядъ постороннихъ вставокъ, возникшихъ, какъ онъ думалъ, еще во времена изустной передачи стихотворенія. Признавая несомнѣнно тѣсную связь памятника съ аттико-элевсинскимъ культомъ (назв. соч. стр. 70), Преллеръ склонился на сторону высказаннаго Велькеромъ мнѣнія ¹⁴³⁾, что гимнъ къ Деметрѣ былъ предназначенъ для исполненія на большомъ панаѳинейскомъ празднествѣ и соотвѣтственно съ этимъ долженъ былъ постоянно модифицироваться, подвергаясь примѣнительно къ обстоятельствамъ то сокращеніямъ, то дополненіямъ. Къ числу такихъ дополненій, расширившихъ съ теченіемъ времени первоначальную простую основу произведенія, относятся стихи 21—37, 190—211, 274—275, 425, 439—441, 474—483, будто бы частью вставленные для того, чтобы прославить Гекату, частью несоотвѣтствующіе стилю

¹⁴²⁾ Hermann *Hom. Hymni etc.* Срв. *Epist. ad Ilgen.* p. XCV sqq.

¹⁴³⁾ Welcker *Der ep. Cycl.* I², 367, прим. 653.

гимна (ibid. стр. 81, прим. 5), частью наконецъ обнаруживающіе слѣды гіератическихъ тенденцій¹⁴⁴). Отличіе сохранившагося текста отъ текста сообщаемыхъ Павсаніемъ фрагментовъ Преллеръ нашелъ не столь существенно важными, какъ это принимали Игнарра, Маттіэ и Германнъ: по его мнѣнію отличія эти могли просто произойти оттого, что Павсаній либо цитировалъ стихи по памяти, либо же имѣлъ въ рукахъ списокъ, не во всемъ вполне сходный съ рецензіей московскаго кодекса. Что же касается вопроса о времени и мѣстѣ возникновенія гимна, то на этотъ счетъ сужденіе Преллера отличалось уклончивостью и неопредѣленностью: нисколько неубѣжденный доводами Фосса онъ былъ склоненъ признать немногія аттическія формы, попадающіяся въ стихотвореніи, за позднѣйшіе наносы, а потому и считалъ невозможнымъ дать какое бы то ни было специальное указаніе относительно родины первоначальнаго автора и времени его жизни (срв. ibid. стр. 75, 381). Лишь въ видѣ догадки предположилъ онъ, что, быть можетъ, упоминаемый Павсаніемъ и извѣстный ему, вѣроятно, изъ какого нибудь аттическаго сборника гимнъ Памфа къ Деметрѣ съ одной стороны и дошедшій до насъ гомерическій гимнъ къ тому же божеству— съ другой суть не что иное, какъ двѣ различныя рецензіи одного и того же древняго стихотворенія, дѣйствительно принадлежавшаго Памфу (ibid.).

Менѣе скептически отнесся къ тому же вопросу К. О. Мюллеръ, посвятившій нашему стихотворенію нѣсколько строкъ въ статьѣ „Eleusinien“¹⁴⁵) и потомъ снова возвратившійся къ нему въ своей „Исторіи греческой литературы“. По мнѣнію названнаго ученаго гимнъ былъ произведеніемъ человѣка, хорошо знакомаго съ элевсинскими таинствами, и предназначался для рапсодическихъ агоневъ въ Элевсинѣ, чему де вполне соответствуетъ и самый стиль его, представляющій явное подражаніе стилю гомеровыхъ поэмъ; такимъ образомъ гимнъ долженъ былъ возникнуть въ Атикѣ, и въ подтвержденіе этого можно указать не только на его содержаніе, заимствованное изъ круга локаль-

¹⁴⁴) „Verdammungsformeln, wie v. 478 и 471 (?) erwecken den Verdacht, dass der Enthusiasmus für die Segnungen der eleusinischen Weihe schon im Abnehmen war.“ Preller op. l. p. 103, n. 60.

¹⁴⁵) Помѣщено впервые въ „Allgemeine Encyclopädie“ Эрша и Грубера (Sect. I, t. XXXIII, p. 268), потомъ перепечатано въ „Kleine Schriften“ (Bresl. 1847).

ныхъ преданій, но и на языкъ его, хранящій слѣды локальныхъ отличій. Этотъ взглядъ Мюллера, являющійся въ сущности лишь модификаціею воззрѣнія Фосса, раздѣлили и Бернгарди. Послѣдній также усмотрѣлъ въ гимнѣ „памятникъ аттической храмовой поэзіи“ и усумнился лишь въ томъ, чтобы онъ дѣйствительно былъ предназначенъ для какихъ нибудь музическихъ состязаній. Основаніе для такого сомнѣнія Бернгарди видѣлъ въ слишкомъ серьезномъ тонѣ стихотворенія, которое содержитъ въ себѣ по его убѣжденію программу и исторію оргій и подъ оболочкой мѣа излагаетъ ученіе о безсмертіи ¹⁴⁶⁾. Впрочемъ соображеніе это не убѣдило никого, и уже Баумейстеръ счелъ возможнымъ снова обратиться къ гипотезѣ Велькера, принятой, какъ мы видѣли, и обстоятельно развитой Преллеромъ. Однако это единственный пунктъ, въ которомъ Баумейстеръ сталъ на сторону Преллера: по отношенію къ вопросу объ интерполяціяхъ онъ напротивъ заявилъ себя консерваторомъ совершенно въ духѣ Фосса и во всемъ стихотвореніи заподозрилъ только два стиха (vv. 82 и 478). Съ Фоссомъ же согласился онъ и въ томъ, что рассматриваемый гимнъ могъ возникнуть только въ Атикѣ, и лишь о времени его возникновенія высказалъ особое сужденіе, нашедшее въ послѣдствіи сторонниковъ въ Виндишѣ (op. cit. p. 67) и Флахѣ (Digamma, p. 2),—именно, онъ приурочилъ его къ эпохѣ Писистратидовъ,—къ той порѣ, когда вообще въ области эпической поэзіи въ Греціи вновь замѣчается оживленная творческая дѣятельность, вызванная и способствуемая покровительствомъ тиранновъ ¹⁴⁷⁾.

Совершенную противоположность этимъ консервативнымъ воззрѣніямъ составляетъ мнѣніе Бюхелера, которому принадлежитъ съ большимъ остроуміемъ и тщательностью обработанная „editio peculiaris“ нашего гимна. Бюхелеръ выходитъ изъ того положенія, что гомерическій гимнъ къ Деметрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ намъ извѣстенъ, представляетъ безобразный конгломератъ самыхъ разнородныхъ фрагментовъ, и нѣтъ надежды когда либо возстановить, хотя бы только приблизительно, его первоначальную форму. Исслѣдователю остается, стало быть, лишь указать на цѣлый рядъ недочетовъ въ традиціонной редакціи,—на пропуски, искаженія, повторенія, длинноты, вставки и

¹⁴⁶⁾ Bernhardt LG. II, 12, стр. 181.

¹⁴⁷⁾ Baumeister H. Hom. p. 280.

т. п., и воздержаться отъ всякой попытки реставраціи памятника въ цѣльномъ видѣ. Бюхелеръ такъ и поступаетъ: онъ выбрасываетъ изъ текста до 25 стиховъ ¹⁴⁸⁾, разбиваетъ затѣмъ весь гимнъ слишкомъ на 20 ничѣмъ по его мнѣнію несвязанныхъ между собою частей ¹⁴⁹⁾ и, какъ истый представитель пресловутой „Liedertheorie“, не идетъ дальше этихъ исключительно отрицательныхъ результатовъ. Правда, онъ пытается установить хронологическіе предѣлы между тѣмъ, что мы должны принимать въ наличномъ спискѣ за основу, и тѣмъ, что онъ считаетъ за позднѣйшій приростъ ¹⁵⁰⁾, но его соображенія на этотъ счетъ совершенно произвольны, и предположеніе, будто бы источникомъ порчѣ послужило внесеніе нѣсколькихъ стихотвореній меньшаго объема въ корпусъ первоначально одной, болѣе обширной пѣсни въ честь Деметры ¹⁵¹⁾, остается на степени простой догадки. Къ тому же причины контаминаціи все таки имъ невыяснены, и взаимное отношеніе между отдѣльными стихотвореніями, сплоченными нынѣ столь тѣсно въ одинъ комплексъ, неопредѣлено ¹⁵²⁾.

Тѣмъ не менѣе точку зрѣнія Бюхелера приняли, хотя и съ оговорками и измѣненіями, многіе,—напр. Фёрстеръ, относящій при этомъ возникновеніе общей основы произведенія къ началу VII стол. до Р. Х. ¹⁵³⁾, Вегенеръ, усматривающій въ нашемъ гимнѣ слитіе двухъ совершенно различныхъ гимновъ, въ коихъ одинъ и тотъ же сюжетъ былъ разнотрактванъ ¹⁵⁴⁾, Группе, повидимому раздѣляющій воззрѣнія Вегенера ¹⁵⁵⁾, и проч. Болѣе или менѣе значительныя интер-

¹⁴⁸⁾ Таковы стихи 18, 35 сл., 46, 72 сл., 99, 241 сл., 247, 253, 255, 316 сл., 345 сл., 363, 368—370, 414, 425, 449, 456 сл.

¹⁴⁹⁾ Къ числу лакунъ, установленныхъ Германномъ, Бюхелеръ присоединяетъ новыя (всего семнадцать,—послѣ стт. 23, 86, 97, 191, 197, 211, 225, 232, 265, 284, 292, 414, 434, 448, 478, 483, 490).

¹⁵⁰⁾ Онъ полагаетъ напр., что в. 414 попалъ въ текстъ не раньше X стол. послѣ Р. Х. и принадлежитъ перу какого нибудь византійскаго грамматика.

¹⁵¹⁾ Bücheler op. cit. p. III.

¹⁵²⁾ Срв. Gutsche op. l. p. 7: „...omissa quaestio est: quid sibi velit majus carmen, quae sint minora secernenda exigui sane ambitus atque similis fere argumenti, quorum consilium ne conjectura quidem assequi possum. Necesse saltem fuit, ut doctus vir dilucide verba faceret de ambitu et indole majoris carminis atque eorum, quae inserta esse opinetur“.

¹⁵³⁾ Op. cit. p. 38 sq.

¹⁵⁴⁾ Wegener Der hom. H. auf Demeter. Philol. 1876. Стр. 227 слл.

¹⁵⁵⁾ Gruppe op. cit. p. 537.

поляціи признаются рѣшительнымъ большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей: по мнѣнію Гутше подложны стт. 11 сл., 82 сл., 87, 110 сл.; 202—211, 253, 439—441, 478 сл., 492, 494, излишни,—хотя, быть можетъ, и не непременно вставлены,—стт. 21—38, 72 сл., 90, 100, 266—268, 345 сл., 449, 482 сл., 489 сл.¹⁵⁶); Фикъ исключаетъ изъ текста стт. 21—37, 52—61 (1-й и 2-й эпизоды о Гекатѣ), 188—211 (эпизодъ о Ямбѣ и киклонѣ), 266—268, 439—441 (3-й эпизодъ о Гекатѣ), 478¹⁵⁷); Штолль допускаетъ рядъ вставокъ орфическаго происхожденія¹⁵⁸); Фландеръ подвергаетъ атетезѣ стт. 26, 37, 82, 108, 110, 242 сл., 247, 253, 329, 425, 449, 479, 480¹⁵⁹). Осторожнѣе другихъ въ этомъ отношеніи К. Франке, Абель и Гемолль: первый ограничивается устраненіемъ только стт. 202—205¹⁶⁰), второй отвергаетъ стт. 35 сл., 425, 478, а послѣдній высказываетъ мнѣніе, что вообще текстъ стихотворенія можетъ быть исправленъ скорѣе хорошими конъектурами, нежели вычеркиваніями да пробѣлами, и оставляетъ подъ подозрѣніемъ лишь стт. 26, 329, 405, 425, 478¹⁶¹).

Въ виду такого поразительнаго разнообразія сужденій намъ приходится отъ себя прибавить весьма немного, да и это немногое, разумѣется, по необходимости должно носить на себѣ отпечатокъ эклектицизма. И во первыхъ,—нѣсколько словъ по поводу наличной редакціи нашего гимна. „Если“, говоритъ П. Аландскій, „въ вопросѣ о подлинности или подложности даннаго выраженія, цѣлой мысли, облеченной въ форму нѣсколькихъ стиховъ, между учеными чаще существуетъ полное и рѣзкое разногласіе, то это вѣрный признакъ отсутствія очевидныхъ и всѣми признанныхъ критеріевъ для отличенія подлиннаго отъ подложнаго“¹⁶²). И дѣйствительно, нетрудно видѣть, что въ настоящемъ случаѣ такихъ критеріевъ въ сущности нѣтъ. На чемъ основана напр. большая часть перечисленныхъ атетезъ?

¹⁵⁶) Gutsche op. l. p. 41.

¹⁵⁷) Fick въ Bezenberg. Beitr., 1884. Стр. 235 сл.

¹⁵⁸) Stoll Animadversiones in h. Hom. Weilburg. 1861. Стр. 13 (цит. Gemoll Die hom. H., стр. 279. Достать указанное сочиненіе Штолля мнѣ не удалось).

¹⁵⁹) F. Flander De interpolationibus hymni Cereris qui fertur Homeri. Progr. Parchim. 1879. p. 13.

¹⁶⁰) K. Franke op. cit. p. 6.

¹⁶¹) Gemoll H. H. p. 279.

¹⁶²) Киев. Унив. Изв. 1877. I. Стр. 12.

Не на чемъ иномъ, какъ лишь на молчаливомъ допущеніи, что первоначальный авторъ стихотворенія написалъ его совершеннѣйшимъ образомъ, а позднѣйшіе переписчики и передѣльватели послѣдовательно вносили въ него порчу за порчей, искаженіе за искаженіемъ. Принимается, стало быть, за неподлежащій сомнѣнію фактъ, что всякое отступленіе отъ плана, всякая повидимому ненужная и лишняя подробность, всякій безсодержательный и неудачный стихъ, всякое повтореніе, всякое нарушеніе логической связи между предъидущимъ и послѣдующимъ, всякая недомолвка, недосказанность, противорѣчіе, — все это лежитъ на совѣсти діаскевастовъ и интерполаторовъ, а чѣмъ по мнѣнію критиковъ нелѣпѣе внесенное въ текстъ измѣненіе, чѣмъ грубѣе ошибка, чѣмъ несоотвѣтственнѣе требованіямъ логики и эстетическаго вкуса выраженіе или даже цѣлый эпизодъ, тѣмъ болѣе позднюю хронологическую датую опредѣляется ихъ происхожденіе. Ненадежность такого критическаго приѣма очевидна и не нуждается въ разьясненіи. Но не всегда вѣски и солидны и иныя основанія, въ силу которыхъ отмѣчаются нынѣ аристарховымъ „обеломъ“ нѣкоторые мѣста разсматриваемаго стихотворенія. Сюда между прочимъ относятся данныя языка, заставляющія критиковъ различать въ гимнѣ къ Деметрѣ старшіе и младшіе слои. Такъ напр. въ ст. 12 подозрѣніе возбуждаетъ съ одной стороны плеонастическое выраженіе „ἀπὸ ῥίζης ἐξετεφύκει“, съ другой — форма „χάρα“ вмѣсто болѣе обычной „χαρήατα“; стт. 202—205 не подходятъ по взгляду Германня ни къ гомерическому, ни вообще къ древне-греческому складу рѣчи и потому имъ, — а за нимъ и другими, — отметаются; въ ст. 255 затрудненіе представляетъ форма „χοτέσσαα“ (у Гом. *χοτέσσαμένη*); ст. 414 считается сомнительнымъ, не говоря уже объ эстетическихъ причинахъ, еще и потому, что глаголъ *προσαναγκάζω*, употребленный здѣсь нашимъ поэтомъ, не встрѣчается въ греческихъ литературныхъ памятникахъ раньше конца V стол. (Thuc. VI, 72; Arist. Vesp. v. 611; Plato Protag. p. 346 B) и т. д. Число такихъ примѣровъ можно было бы произвольно увеличить, но и приведенныхъ достаточно, чтобы ясно видѣть, чѣмъ иногда вызываются и мотивируются атетезы. Критикъ, отвергающій въ нашемъ гимнѣ стт. 12, 202—205 и проч. на томъ основаніи, что попадающіяся въ нихъ слова и формы (*χάρα*, *ἐκτεφύκειν*, *ἀπὸ τινος*, *χοτέσσαα*, *προσαναγκάζω* и т. п.) извѣстны намъ лишь изъ произведеній позднѣйшаго времени или даже и вовсе нигдѣ болѣе не

встрѣчаются, очевидно, опять таки молчаливо предполагаетъ, что весь тотъ лексическій капиталъ, который былъ накопленъ древними греками за слишкомъ пятнадцать вѣковъ ихъ литературной дѣятельности, всѣ тѣ формальныя (морфологическія) и синтактическія сочетанія, которыя признавала возможными и допустимыми ихъ живая рѣчь,— все это цѣликомъ сохранено и передано рукописною традиціею намъ, отдаленнымъ эпигонамъ. Онъ забываетъ, что мы знаемъ лишь нѣкоторую долю того языковаго матеріала, которымъ могъ располагать древній писатель каждой данной эпохи, что руководимый извѣстнымъ стилистическимъ расчетомъ, согласуясь съ требованіями метра и съ личнымъ настроеніемъ, онъ свободно черпалъ изъ богатой сокровищницы роднаго языка, останавливая свой выборъ на тѣхъ способахъ выраженія, которые каждый разъ ему были болѣе на руку, и что никогда въ этомъ отношеніи въ предѣлахъ установившихся нормъ рѣчи не возбранялись частныя измѣненія и отступленія. Подобнымъ образомъ и выраженія „позднѣйшее слово“, „позднѣйшій оборотъ“ должны быть понимаемы въ нѣсколько болѣе ограниченномъ смыслѣ. „Если слово“, говоритъ О. Зеекъ,— „встрѣчается у Эсхила или Софокла, то вправѣ ли мы принимать, что оно еще не существовало во времена Писистратидовъ? Неужто же въ немногія десятилѣтія совершился въ языкѣ такой громадный переворотъ, что весь лексическій запасъ (Vocabelschatz) грековъ долженъ былъ стать совершенно другимъ? Относительно александрійцевъ положительно извѣстно, что они любили разыскивать у древнихъ писателей рѣдкія слова, чтобы пользоваться ими для своихъ стихотвореній; каждое выраженіе, которое мы впервые находимъ у нихъ, можетъ слѣдовательно восходить къ Архилоху, Тиртэю или какому нибудь другому поэту, жившему задолго до составленія „Телемахіи“¹⁶³).

Итакъ, говоря вообще, я думаю, что мы почти не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ для того, чтобы подобно Маттіэ, Преллеру, Бухелеру, Вегенеру и другимъ представителямъ теоріи расчлененія считать большой гомерическій гимнъ къ Деметрѣ за произведеніе наборной работы какого нибудь посредственнаго компилятора, кое какъ сплю-

¹⁶³) О. Seeck Die Quellen der Odyssee. Berl. 1888. Стр. 376. Срв. Аландскій ук. соч. стр. 33. сл.—Что касается „Телемахіи“, то Зеекъ считаетъ эту часть „Одиссеи“ не старше архилоховыхъ ямбовъ и даже, можетъ быть, моложе элегій Солона. Срв. ук. соч. стр. 334.

тившаго въ одно цѣлое разнородные обрывки стихотвореній сходнаго содержанія. Если даже и дѣйствительно гимнъ этотъ есть не что иное, какъ „Flickwerk“, какъ пестрый шивокъ, то мы во всякомъ случаѣ не въ состояніи распороть его по швамъ. Въ общемъ, повторяю, со стороны содержанія онъ производитъ впечатлѣніе вполне законченнаго и цѣльнаго произведенія. Если въ немъ и нетрудно отмѣтить десятка полтора—два стиховъ неудачныхъ, вялыхъ и безсодержательныхъ,—если кое-гдѣ есть неважныя противорѣчія, кое-гдѣ самый тонъ разсказа замѣтно измѣняется, то все это отнюдь не непременно свидѣтельствуешь о порчѣ,—все это могло бы быть *optimo jure* отнесено и на счетъ первоначальнаго автора. Что же касается формы, то и съ этой стороны нѣтъ основанія отвергать цѣльность гимна: разъ мы не приписываемъ авторства Гомеру, должно ли смущаться присутствіемъ въ нашемъ текстѣ негомерическихъ реченій? Ужъ будто та доля грамматическаго и лексическаго матеріала, которая заключается въ дошедшихъ до насъ съ именемъ Гомера сорока восьми рапсодіяхъ, представляла для каждаго эпическаго поэта древнѣйшихъ временъ обязательную величину,—своего рода волшебный кругъ, изъ котораго онъ не могъ выйти безъ посредства услужливыхъ „позднѣйшихъ компиляторовъ“? Конечно возможно, что втеченіе длиннаго ряда столѣтій разсматриваемый гимнъ потерпѣлъ кое-какія частныя измѣненія и что напр. Павсанію, пожалуй, извѣстна была какая нибудь иная его редакція. Возможно также, что въ манускриптѣ, сохранившемъ намъ это стихотвореніе, по невѣжеству или по разсѣянности переписчика тамъ и сямъ внесены въ самый текстъ варіанты, находившіеся, вѣроятно, въ архетипѣ на поляхъ, и что это отчасти послужило причиною открываемыхъ нынѣ критикою несовершенствъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ ущербъ отъ того невеликъ, и вслѣдъ за повѣйшимъ сторонникомъ мнѣнія Фосса—Гемоллемъ я не усматриваю въ нашемъ гимнѣ ни существенно важныхъ пропусковъ, ни существенно важныхъ интерполяцій и совершенно согласенъ съ тѣмъ, что большія мѣста въ немъ скорѣе можно излечить удачными конъектурами, нежели при помощи ампутаціи пораженныхъ членовъ ¹⁶⁴).

¹⁶⁴) Уже самая произвольность большей части атетезъ, предложенныхъ въ разное время различными учеными съ цѣлью очищенія традиціоннаго текста отъ

Здѣсь умѣстно будетъ остановиться на одной частности. По мнѣнію К. Франке, который также стоитъ на сторонѣ единства и цѣльности стихотворенія, планъ этого послѣдняго соотвѣтствуетъ вполнѣ схемѣ нома и можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ:

vv. 1—3	vv. 4—95	vv. 95—232
πρόλογος	ἀρχή	κατατροπή
vv. 233—284 σμφαλός		
vv. 285—441	vv. 442—487	vv. 487—496
μετακατατροπή	σφραγίς	ἐπίλογος

Центромъ всего разсказа служить такимъ образомъ, какъ полагаетъ Франке, исторія построенія храма въ Элевсинѣ. Изложеніе этого важнаго событія готовится длиннымъ повѣствованіемъ объ обидѣ, полученной Деметрою, о ея скитаніяхъ по землѣ и пребываніи въ домѣ Келея, а заключается описаніемъ триумфа богини,—ея примиренія съ небожителями и возвращенія на Олимпъ ¹⁶⁵⁾.

Если все это такъ, то нельзя прежде всего не отмѣтить той странности, что изъ числа 496 стиховъ, составляющихъ матеріальный объемъ стихотворенія, только 50, т. е. немногимъ больше десятой доли этого объема, отведено авторомъ гимна изложенію главнаго факта, въ которомъ по Франке заключается „totius carminis quasi summa“. Правда, ни одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ кивародическаго нома не дошелъ до насъ, и наши представленія объ этой формѣ поэтическихъ произведеній страдаютъ большою неясностью и неполнотою; но, если, какъ

постороннихъ примѣсей и выдѣленія первоначальной основы произведенія, заставляетъ усумниться въ удобопримѣнимости этого критическаго приѣма къ нашему стихотворенію. Рѣдко возраженія представителей отрицательной критики направлены противъ однихъ и тѣхъ же стиховъ гимна; напротивъ почти всегда одинъ усматриваетъ порчу тамъ, гдѣ по мнѣнію другаго все обстоитъ благополучно, а этотъ другой въ свою очередь открываетъ подлогъ тамъ, гдѣ первый не колеблется признать сохраненныя преданіемъ черты за несомнѣнно подлинныя. Не слѣдуетъ поэтому слишкомъ строго судить насъ за то, что мы совершенно воздерживаемся отъ вторженія въ эту область субъективныхъ предположеній и остаемся на точкѣ зрѣнія Баумейстера (p. 284): „poëta mediocris qualis hic est, quid mirum, quod minus satisfacit vocabulorum et sententiarum ornatu iis quorum aures implevit splendor magnificus Homeri?“

¹⁶⁵⁾ K. Franke op. l. p. 3 sq.

думалъ Бергкъ, шестой каллимаховъ гимнъ (*ὕμνος Δήμητρος καλὰθου*) есть не что иное, какъ подражаніе терпандрову типу нома¹⁶⁶⁾, то, судя по этому примѣру, мы бы ожидали совершенно иныхъ отношеній: у Каллимаха изъ общаго числа 139 стиховъ, на среднюю часть гимна (*ὀμφαλός*) приходится 93, т. е. почти $\frac{2}{3}$ всего стихотворенія, между тѣмъ какъ остальные 46 стт. весьма равномерно распределены между вступительными и заключительными его частями. Значеніе этой отрицательной инстанціи усугубляется еще тѣмъ немаловажнымъ обстоятельствомъ, что и самый порядокъ членовъ, принятый въ вышеприведенной схемѣ нома, не соотвѣтствуетъ тому, который засвидѣтельствованъ преданіемъ. У Поллукса (IV, 66) читаемъ: *μέρη δὲ τοῦ κιθαρῳδικοῦ νόμου, Τερπάνδρου καταείμαντος, ἔπταρχα* (отсутствуетъ въ cod. Paris. A.), *ἐπαρχεῖα, μεταρχά, κατατροπά, μετακατατροπά, ὀμφαλός, σφραγίς, ἐπίλογος*. Измѣнивъ въ этомъ очевидно испорченномъ мѣстѣ по примѣру Бергка¹⁶⁷⁾ *ἔπταρχα* въ *ἐπτὰ ἀρχά* и принявъ вслѣдъ за Крузіусомъ¹⁶⁸⁾ *ἐπαρχεῖα* за диттографію предъидущаго слова, мы получаемъ, стало быть, рядъ членовъ нома въ такой послѣдовательности: *ἀρχά, μεταρχά, κατατροπά, μετακατατροπά, ὀμφαλός, σφραγίς, ἐπίλογος*. Но К. Франке, слѣдуя Вестфалю¹⁶⁹⁾, переноситъ „*ὀμφαλός*“ съ пятого мѣста на четвертое и такимъ образомъ для вступленія (*ἀρχή* въ общемъ смыслѣ слова) и заключенія (*ἐκβασις*) принимаетъ трехчленное дѣленіе. Но, какъ извѣстно, Вестфалю, несмотря на все краснорѣчіе, съ которымъ онъ излагаетъ свою теорію, не удалось подкрѣпить ее сколько нибудь вѣскими аргументами: его попытки расчле-

¹⁶⁶⁾ Bergk LG. II, стр. 212 сл. и прим. 31; срв. также стр. 219, прим. 55, гдѣ приурочивается къ схемѣ терпандрова нома каллимаховъ гимнъ „*εἰς λουτρά τῆς Παλλάδος*“. Подобнымъ образомъ Крузіусъ усматриваетъ признаки номического строенія въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону дельіскому, въ гимнѣ Каллимаха къ тому же божеству (II), въ тибулловой элегій II, 1 и въ „панегирикѣ къ Мессалѣ“ (см. „Wochenschr. f. class. Philol.“ 1885. № 41, ст. 1293 сл.; „Literar. Centralbl.“, 1887. № 46, ст. 1564). Сочиненіе Käsebier'a „De Callimacho νόμων ποιῆτα“ (Brandenb. 1873) извѣстно мнѣ только по названію.

¹⁶⁷⁾ Bergk Poetae lyr. gr.³ III, p. 815.

¹⁶⁸⁾ Crusius въ „Wochenschr. f. cl. Phil.“, ук. м.

¹⁶⁹⁾ R. Westphal Gesch. d. Musik I, стр. 76 сл.; Prolegg. zu Aeschylus Tragödien, стр. 75 сл.; Catull's Gedichte in ihrem geschichtl. Zusammenhange übs. u. erläut. 2 Aufl. (Bresl. 1870), стр. 73 сл. См. также Flach Griech. Lyrik, стр. 289, прим. 1; 294.

нить по категоріямъ принятой схемы стихотворенія Пиндара ¹⁷⁰⁾, Эсхила ¹⁷¹⁾ и Катуллы ¹⁷²⁾ не увѣнчались успѣхомъ и по выраженію Христа представляютъ не болѣе, какъ лишь „пустыя фантазіи изобрѣтательной головы“ ¹⁷³⁾. Самое толкованіе традиціонной терминологіи, допускаемое почтеннымъ ученымъ, подчасъ совершенно произвольно ¹⁷⁴⁾. А что главнѣе всего,—дѣленіе Поллукса (устанавливающее, замѣчу мимоходомъ, весьма стройное и глубоко обдуманное соотношеніе между частями нома, изъ коихъ четыре первыя составляютъ въ сущности два *κῶλα*) встрѣчаетъ, какъ сказано, практическое подтвержденіе въ позднѣйшихъ подражательныхъ произведеніяхъ александрійской и римской литературы (см. прим. 165) и уже по одному этому не можетъ быть отвергнуто *sensu* *rii*. Съ нимъ необходимо считаться, и многое говорить въ пользу того, что, если и дѣйствительно изслѣдователямъ удалось подмѣтить слѣды выработанной древними кнеародами „поэтической реторикѣ“ у Пиндара и другихъ лириковъ, то этимъ еще не доказывается полное тождество усвоенныхъ послѣдними формъ съ формою терпандрова нома. Скорѣе, можетъ быть,—*quid putem, non quid contendam, ponam*“, какъ выражается бл. Августинъ, — не терпандровъ, а пивѣйскій авлетическій номъ съ его пятичленнымъ строеніемъ и разнообразіемъ мелодіи и ритма ¹⁷⁵⁾ былъ взятъ за образецъ пред-

¹⁷⁰⁾ Prolegg. zu Aesch. Trag., стр. 81—96. По слѣдамъ Вестфала пошли Fr. Mezger (Pindars Siegeslieder erkl. Lpz. 1880) и E. Lübbert (Comment. de prisciae cujusdam epinicionum formae ap. Pindarum vestigiis. Bonn. 1885. De Pindaro nomorum Terpandri imitatore. Bonn. 1885).

¹⁷¹⁾ Westph. *ibid.* pp. 96—124.

¹⁷²⁾ Catull's Gedichte, стр. 78 слл. Возраженія см. у Н. Schmidt'a Griech. Metrik (1872), стр. 636 слл., G. Rettig'a Catulliana (Bern. 1878—81) II, стр. 10 слл. и Н. Magnus'a „Bericht üb. die Litteratur zu Catull u. Tibull“ (Iw. Müller's Jahresbericht, 1887, II, стр. 231 слл.). Магнусъ въ ук. м. ссылается кромѣ того на Macan Transact. of the Oxf. Phil. Soc. 1882/3 стр. 16 сл. и A. Croiset Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études Grecques en France (Paris. 1880), стр. 99 сл.

¹⁷³⁾ Christ Metrik² (1879), стр. 662.

¹⁷⁴⁾ Особенно странно объясненіе термина *σφραγίς* (печать). По Вестфалу словомъ этимъ означалась послѣдняя часть собственнаго нома, такъ что *ἐπιλογος*, не будучи связанъ органически съ произведеніемъ, свободно примыкалъ къ нему въ концѣ, подобно тому какъ *προοίμιον* (= *ἀρχή* по Вестф.) было свободно соединено съ его начальною частью (*μετὰ ἀρχήν*). См. блестящую критику этого взгляда у Крузіуса въ прив. м.

¹⁷⁵⁾ Такого разнообразія (*μεταβολὴ ἁρμονικῶν*) терпандровъ кнеародическій номъ не зналъ: Plut. π. μουσ. 6 τὸ δ' ὅλον ἡ μὲν κατὰ Τέρπανδρον κιναρφδία καὶ

ставителями греческой хорической лирики, такъ какъ ея свойства вполне согласовались съ его страстнымъ, оживленнымъ характеромъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ нашему гимну дѣленія нома совершенно чужды, и въ ихъ удобоприложимости къ нему можно было бы даже усумниться и по первому взгляду. Какъ бы мы ни судили о порядкѣ составныхъ его частей, номъ всегда предполагаетъ лирическое вступленіе, котораго мы однако въ гимнѣ вовсе не находимъ, если только не считать за таковое первый стихъ его, гдѣ выражается намѣреніе пѣвца воспѣть элевсинскихъ богинь. Прямо со втораго стиха начинается эпическій рассказъ, продолжающійся въ непрерывной и тѣсной послѣдовательности до ст. 478 включительно; слѣдующіе затѣмъ 12 стт. (479—490) представляютъ прославленіе богинь, ихъ оргій и тѣхъ благодатныхъ даровъ, которыми онѣ осыпаютъ своихъ чтителей, — часть, составляющая переходъ къ заключенію, которое обнимаетъ шесть послѣднихъ стиховъ (491—496) и отмѣчено подобающимъ случаю лирическимъ настроеніемъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою произведеніе, составленное по типу древнихъ четырехчленныхъ религіозныхъ пѣсенъ, существовавшихъ задолго до возникновенія терпандрова кивародическаго нома и вполнѣ уступившихъ ему свое мѣсто¹⁷⁶⁾.

Перехожу къ другимъ вопросамъ: гдѣ и когда былъ созданъ гомерическій гимнъ въ честь Деметры? кто былъ его авторъ и каково было

μέχρι τῆς Φρύνιδος ἡλικίας παντελῶς ἀπλῇ τις οὔσα διετέλει. οὐ γὰρ ἐξῆν τὸ παλαιὸν οὕτω ποιεῖσθαι τὰς κισαρφιδίας ὡς νῦν, οὐδὲ μεταφέρειν τὰς ἀρμονίας καὶ τοὺς ῥυθμούς. Срв. Suid. s. v. νόμος ὁ κισαρφιδικός τρόπος τῆς μελωδίας ἀρμονίαν ἔχων τακτὴν καὶ ῥυθμὸν ὠρισμένον. Изъ этихъ двухъ мѣстъ явствуетъ, что композиція отъ начала до конца выдерживалась не только въ одномъ опредѣленномъ ладѣ, но и въ одномъ и томъ же тактовомъ видѣ (именно $\frac{3}{2}$), что, разумѣется, было невозможно для пивійскаго нома, такъ какъ онъ принадлежалъ къ роду музыкальныхъ картинъ, не опираясь ни на какой стихотворный текстъ и достигая эстетическихъ эффектовъ исключительно одними тонами.

¹⁷⁶⁾ Срв. Terpanthr. ap. Strab. XIII 618: *οἱ δ' ἡμεῖς τετραγῆρον ἀποστέρεαντες αἰοιδὰν ἐπτατόνῳ φόρμῳ γινέουσι κελადήσομεν ὕμνους.* Должны ли мы распространять названіе нома и на эту древнюю четырехчленную пѣснь (τετραγῆρος αἰοιδά)? По мнѣнію Крузіуса, принимающаго, правда, для нашего гимна дѣленіе, не вполне согласное съ вышеприведеннымъ (см. ук. м.), — да. Ссылаясь на примѣръ парабазы, въ коей не непременно должны были находиться на лицо всѣ каноническія части (срв. Zielinski Gliederung der altattischen Komödie, стр. 176 сл.), названный ученый допускаетъ, что и въ настоящемъ случаѣ остались невыраженными *μεταρχά*, *κατατροπά* и *μετακισατροπά*. Срв. однако Bergk Poëtae lyr. gr. 3, III, стр. 815, прим. къ фр. 5.

первоначальное его назначеніе? другими словами,—имѣлась ли въ виду поэтомъ, когда онъ принимался за стихотворную обработку ходячаго преданія о похищеніи Керы, какая-либо потребность религіознаго культа, или же его творческою дѣятельностью не руководили при этомъ никакіе практическіе расчеты и соображенія?

Какъ видно изъ предъидущаго, отвѣчать на эти вопросы за почти полнымъ отсутствіемъ положительныхъ данныхъ можно лишь аппроксимативно, гадательно. Такъ напр. мы можемъ собрать нѣсколько крупныхъ чертъ, которыя повидимому говорятъ въ пользу весьма значительной древности гимна, но врядъ ли вправѣ подобно Фоссу, Велькеру, Шюрманну, Фёрстеру, К. Франке, Дункеру, Ленорману и др. устанавливать для него какіе-либо твердые и опредѣленные хронологическіе рубежи. Мы можемъ далѣе широкими штрихами очертить тотъ географическій районъ, въ предѣлахъ котораго возникло наше стихотвореніе, но приурочивать его именно къ Атикѣ да еще искать поэта въ средѣ элевсинскаго жречества остережемся изъ боязни переступить границу между „Wahrheit“ и „Dichtung“. Πᾶν τὸ περισσὸν ἄκαιρον, говорили древніе.

Въ самомъ дѣлѣ,—что свидѣтельствуетъ объ аттическомъ происхожденіи гимна? Его языкъ? Но мы видѣли, что въ языкѣ его кромѣ особенностей аттическаго говора попадаются реченія и формы и иныхъ діалектовъ, между прочимъ дорическія, и, если за первыми и остается нѣкоторое численное превосходство, то ужъ во всякомъ случаѣ не столь значительное, какъ полагалъ Фоссъ, впервые на него указавшій. Его содержаніе? Но, во первыхъ, самая легенда, остановившая на себѣ вниманіе нашего гимнографа, отнюдь не составляла исключительнаго достоянія Атики, хотя многія подробности ея и развились несомнѣнно на аттической почвѣ¹⁷⁷⁾. Восходя корнями своими къ догомерической порѣ¹⁷⁸⁾,—быть можетъ даже, къ далекимъ временамъ

¹⁷⁷⁾ Paus. VIII, 37, 9; IX, 31, 9; I, 39, 1; 38, 3.

¹⁷⁸⁾ Что Гомеру мнѣ о похищеніи Керы былъ извѣстенъ, о томъ свидѣлствуютъ E 654, A 445, II 625, а равно schol. Iliad. ad vv. II. и Etym. M. s. v. κλοῦς. См. особенно Welcker Gr. Götterlehre (Götting. 1860) I, 395 сл., II, 474; Preller Gr. Mythol.² I, 593; F. Lenormant „Ceres“ (Darembert et Saglio p. 1053). Послѣ Гомера мнѣ этотъ часто вдохновлялъ поэтовъ. У Гесиода (Theog. vv. 912—914) онъ изложенъ, правда, весьма кратко, но уже въ первой половинѣ VII стол. Архилохъ посвятилъ ему особый гимнъ, съ которымъ

Пеласговъ ¹⁷⁹⁾, — исторія похищенія Персефоны (*ἀνθολογία, ἀρπαγή, ζήτηςις καὶ πλάνη Δήμητρος*) была средоточіемъ всѣхъ вообще мифическихъ представлений о Деметрѣ, и, чтобы судить о томъ, какъ велика была ея популярность, какъ широкъ былъ кругъ ея распространенія, достаточно указать лишь на массу разбѣянныхъ по разнымъ музеямъ и въ частныхъ коллекціяхъ монетъ, вазъ, кубковъ и др. остатковъ классической древности, въ которыхъ она предстаетъ передъ нами воочию. Что же касается, во вторыхъ, частныхъ отличій нашей версіи, то и они на мой взглядъ не обличаютъ аттического происхожденія гимна. Неизвѣстный авторъ этого стихотворенія напротивъ зачастую игнорируетъ спеціально-аттическія преданія и сообщаетъ данныя, заимствованныя изъ совершенно иныхъ источниковъ. Такъ 1) въ самомъ началѣ разсказа онъ отступаетъ отъ традицій Аттики, связывавшихъ похищеніе Персефоны либо съ Элевсиномъ ¹⁸⁰⁾, либо съ Колономъ ¹⁸¹⁾, и переноситъ дѣйствіе въ какую то Нису (какую именно, — для насъ въ настоящемъ случаѣ безразлично); 2) подобнымъ образомъ и первыя свои свѣдѣнія о похитителѣ Деметра получаетъ у него не отъ Эвбулея и Триптолема, какъ въ аттическомъ преданіи ¹⁸²⁾, а отъ Гелиоса; 3) вообще роль Триптолема, — этого „Микулы Селяниновича“ древней Греціи и любимца богини, въ аттической сагѣ несравненно крупнѣе и значительнѣе, нежели у Гомера, который отводитъ ему весьма второстепенное мѣсто въ ряду прочихъ властителей Элевсина (срв. v. 475 sqq.); 4) да и значеніе самого Элевсина, какъ главнаго центра поклоненія Деметрѣ и ея дочери, не съ достаточною силою выдвинуто и отмѣчено авторомъ гимна, — напротивъ, въ заключительныхъ стихахъ рядомъ съ нимъ и какъ равно замѣчательныя и славныя священныя мѣста поставлены Паросъ и Антронъ (v. 492), изъ коихъ о послѣднемъ мы даже

выступилъ въ числѣ соискателей награды на музическомъ состязаніи въ Паросѣ и получилъ призъ (Schol. Arist. Av. 1762; срв. Archiloch. frgm. 120); нѣсколько позже Ласъ изъ Герміоны (Athen. X, 455 C, XIV 624 E), а за нимъ ученикъ его Пиндаръ (Paus. IX, 24, 3 сл.) и Бакхилидъ обработали ту же тему въ своихъ стихотвореніяхъ. Наиболѣе широкое развитіе получилъ онъ въ орфической литературѣ, оказавшей между прочимъ воздѣйствіе и на изложеніе Эврипида, Овидія, Клавдіана и Нонна (см. Preller Dem. u. Pers., стр. 139 сл.).

¹⁷⁹⁾ См. Herod. II, 171.

¹⁸⁰⁾ Paus. I, 38, 5. Orph. H. XVIII, 12 sqq.

¹⁸¹⁾ Schol. Soph. Oed. Col. 1600.

¹⁸²⁾ Paus. I, XIV, 3. Этотъ мифъ былъ санкціонированъ Орфиками.

ничего и не знаемъ. Выходить, стало быть, что только рассказъ о пребываніи богини въ домѣ Келея¹⁸³⁾ да прославленіе элевсинскихъ оргій могли бы свидѣтельствовать о возникновеніи памятника на почвѣ Аттики; но,—5) судя по сообщенію аристофановыхъ схолій¹⁸⁴⁾, Баккилидъ для своего гимна, имѣвшаго сходный сюжетъ, также воспользовался сказаніемъ о Келеѣ, и однако сомнительно, бывалъ ли даже когда нибудь онъ въ Атикѣ; 6) а что до оргій, то неужели нужно было непременно быть уроженцемъ аттической земли, чтобы славить и восхвалять то религіозное учрежденіе, которое наряду съ олимпійскими играми издревле считалось священнѣйшимъ во всей Элладѣ¹⁸⁵⁾? Вспомнимъ напр. слова Цицерона: „Athenae“, говоритъ онъ, „tum multa eximia videntur peperisse, tum nihil melius illis mysteriis, quibus ex agresti immanique vita exculi ad humanitatem et mitigati sumus, initiaque ut appellantur ita revera principia vitae cognovimus, neque solum cum laetitia vivendi rationem accepimus, sed etiam cum spe meliore moriendi“ (Leg. II, 14). И таковъ былъ общій приговоръ, таково было согласное сужденіе лучшихъ людей древности. Голоса Пиндара, Эсхила, Софокла, Исократа, Гиперида, Филемона, Лукреція, Кринагора, Галена, Плутарха, Павсаниа и мн. др. сливаются въ стройный хвалебный хоръ, когда дѣло идетъ о таинствахъ Элевсина¹⁸⁶⁾. Да и неудивительно: съ древнѣйшихъ поръ таинства эти вошли въ кругъ панэллинскихъ религіозныхъ учрежденій, съ древнѣйшихъ поръ они привлекали благочес-

¹⁸³⁾ Мнѣ о странствованіяхъ Деметры представлялъ нѣсколько вариантовъ, въ коихъ вмѣсто Келея часто фигурировали другія лица, какъ то: Пеласгъ—въ Аргосѣ, Аеера и Мисій—въ микенской области, Трисавль и Даміональ—въ Фенеѣ, Промеѣей и Этнѣй—въ Беотіи и проч.; въ самой Атикѣ Келей, смотря по мѣстности, уступалъ свою роль то Фиталу, то Гиппоѳоонту, то отцу своему Элевсину. Срв. Lenormant op. l. p. 1054 sqq.

¹⁸⁴⁾ Schol. Aristoph. Acharn. 48: τοῦ δὲ Κελεοῦ μέμνηται Βακχολίδης διὰ τῶν Ὑμνων.

¹⁸⁵⁾ Paus. V, 10, 1: πολλὰ μὲν δὲ καὶ ἄλλα ἴδοι τις ἂν ἐν Ἑλλήσι, τὰ δὲ καὶ ἀκοῦσαι θαύματος ἄξια· μάλιστα δὲ τοῖς Ἑλευσῖνι δρωμένοις καὶ ἀγῶνι τῷ ἐν Ὀλυμπίᾳ μέτεστιν ἐκ θεοῦ φροντίδας. Id. X, 31, 11: οἱ γὰρ ἀρχαιότεροι τῶν Ἑλλήνων τελετὴν τὴν Ἑλευσινίαν πάντων, ὅποσα ἐς εὐσέβειαν ἦκει, τοσοῦτον ἦγον ἐντιμότερον, ὅσῳ καὶ θεοὺς ἐπίπροσθεν ἡρώων. Срв. Galen. de usu part. 17, 1: πάντες γὰρ, ὡς οἶμαι, καὶ κατ' ἔθνος καὶ κατ' ἀριθμὸν ἄνθρωποι, ὅσοι τιμῶσι θεούς, οὐδὲν ὁμοῖον ἔχουσιν Ἑλευσινίοις τε καὶ Σαμοθρακίοις ὁργίοις.

¹⁸⁶⁾ См. ссылки у Лобека Aglaoph. I, p. 69 sqq.

тивныхъ посѣтителей отовсюду, изъ самыхъ дальнихъ мѣстечекъ и городовъ Греціи, и цѣлый рядъ мѣстныхъ культовъ Деметры, отмѣченныхъ подобно элевсинскому мистическимъ характеромъ, приводился съ ними въ тѣсную и непосредственную связь. Гисіи въ Бэотиі, Фліунтъ, Аргось, Эпидавръ, Лерна, Феней, Оелпуса, Мегалополь, Анданія, Арена, Спарта, Гитій, Кэнополь—въ Пелопоннесѣ, Критъ, Парось, Эвбэя, Оасось и нѣкоторые другіе острова на Эгейскомъ морѣ, Эфесь, Микале и Кизикъ на малоазійскомъ берегу,—всѣ эти пункты находились въ религиозной зависимости отъ Элевсина, были соединены съ нимъ неразрывными духовными узами и повторяли его священныя преданія, варьируя лишь подробности и измѣняя имена ¹⁸⁷⁾.

Итакъ нѣтъ, кажется, твердыхъ основаній предполагать, что гомерическій гимнъ къ Деметрѣ могъ возникнуть только въ Атикѣ ¹⁸⁸⁾; съ бѣльшимъ правомъ можно было бы искать его родину въ предѣлахъ вообще всего того круга земель и городовъ, который былъ охваченъ элевсинской пропагандой. Правда, данныя языка позволяютъ причислять его автора по примѣру Бергка ¹⁸⁹⁾ къ іонійцамъ; но и это не болѣе, какъ гипотеза, которую возвести на степень доказаннаго положенія мы не въ состояніи.

Подобныхъ же ограниченій требуетъ и другое мнѣніе,—именно, что въ стихотвореніи нашемъ слѣдуетъ видѣть „памятникъ храмовой поэзіи“, въ которомъ де впервые выступаетъ передъ нами „ученіе о безсмертіи, т. е. о будущемъ блаженствѣ преображеннаго мистеріями человѣка“ (Беригарди). Извѣстно, что древнія религіи не знали опредѣленной догмы: каждому позволялось судить о богахъ такъ, какъ ему было угодно, каждому предоставлялось вѣгать въ священныя обряды и миѣи тотъ смыслъ, до какаго кто былъ способенъ додуматься. Оттого зачастую одни склонны были усматривать глубокое и таинственное значеніе въ тѣхъ вещахъ, которыя по мнѣнію другихъ были просто

¹⁸⁷⁾ F. Lenormant „Ceres“ p. 1023 sqq.

¹⁸⁸⁾ Между прочимъ Вилламовицъ-Меллендорфъ (Aus Kydathen, стр. 125, прим. 43) въ доказательство неаттическаго происхожденія гимна указываетъ еще и на слѣдующее. Въ ст. 21 упомянуты какія то *Ἐλαῖαι ἀγλαόκαρποι*. Нимфы ли это, или же просто олицетворенныя *δρῦες*, во всякомъ случаѣ не въ духѣ атика персонифицировать масличныя деревья, а тѣмъ болѣе связывать этотъ священный даръ Паллады съ культомъ Деметры.

¹⁸⁹⁾ Bergk LG. I, 769.

нелѣпы и безсмысленны. Все зависѣло отъ силы вѣры, степени воспримчивости, глубины религіознаго чувства, случайнаго настроенія, способности къ созерцательной работѣ мысли и т. п. чисто индивидуальныхъ свойствъ. Такимъ образомъ говорить о какомъ бы то ни было „ученіи“, о религіозной доктринѣ, скрывающейся будто бы въ разсматриваемомъ гимнѣ подъ оболочкою баснословія, значило бы становиться на точку зрѣнія тѣхъ аллегориковъ, по мнѣнію которыхъ древнѣйшіе поэты и философы, касаясь вопросовъ теологій и морали, ревниво облакали истину въ форму притчъ и иносказаній, дабы она не стала достояніемъ непосвященныхъ¹⁹⁰). Это та самая точка зрѣнія, которая позволяла нѣкоторымъ и у Гомера находить то мысли и положенія стоиковъ, то ученіе эпикурейцевъ, то элементы философіи перипатетиковъ, то воззрѣнія академиковъ¹⁹¹). На самомъ дѣлѣ, если справедливо то, что и самыя таинства, какъ утверждаетъ Аристотель, исключали всякое преподаваніе, и посвященные не выносили изъ нихъ ничего кромѣ извѣстнаго нравственнаго состоянія, сообщавшаго лишь новое направленіе ихъ мыслямъ и дѣйствіямъ¹⁹²), то, разумѣется, и въ гимнѣ нашемъ слѣдуетъ видѣть не что иное, какъ только изложеніе конкретныхъ фактовъ, въ дѣйствительность которыхъ авторъ его несомнѣнно глубоко и искренно вѣрилъ. Правда, представленіе о весеннемъ пробужденіи природы отъ зимняго сна, о вѣчно повторяющихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчно новыхъ для человѣка смѣнахъ временъ года, тепла и холода, свѣта и мрака,—представленіе, воплощенное въ поэтическомъ мнѣніи о Персефонѣ, способно легко навести на мысль о безсмертіи. „Каждая новая весна, выгоняющая изъ нѣдръ земли отпрыски растений“, говорить у Шиллера Юліи („Философскія письма“),

¹⁹⁰) Pseudo-Plut. Vit. Hom. c. 92: „εἰ δὲ δι' αἰνιγμάτων καὶ μυθικῶν λόγων τινῶν ἐμφαίνεται τὰ νοήματα, οὐ χρὴ παράδοξον ἡγεῖσθαι. τοῦτο γὰρ αἴτιον ποιητικῆς, καὶ τῶν ἀρχαίων ἥθος, ὅπως οἱ μὲν φιλομαθεῖντες μετὰ τινος εὐμουσίας ψυχῶν γινόμενοι ῥᾶν ζητῶσι τε καὶ εὐρίσκωσι τὴν ἀλήθειαν, οἱ δὲ ἀμαθεῖς μὴ καταφρονῶσι τούτων, ὧν οὐ δύνανται συνιέναι“. Clem. Alex. Strom. p. 658: πάντες οἱ θεολογῆσαντες βάρβαροι καὶ Ἕλληνες τὰς μὲν ἀρχὰς τῶν πραγμάτων ἀπεκρύψαντο, τὴν δὲ ἀλήθειαν αἰνίγμασι καὶ μεταφοραῖς παραδεδώκασι. Также ibid. p. 680. Срв. Lobeck Aglaoph. I, p. 143; O. Gruppe op. I. p. 20 sqq.

¹⁹¹) Senec. ep. 88. Извѣстно, что Лонгинъ написалъ цѣлое сочиненіе на тему „εἰ φιλόσοφος Ὀμηρός“.

¹⁹²) Synes. Oratt. p. 48 A. Ἀριστοτέλης ἀξιοῖ τοὺς τετελεσμένους οὐ μαθεῖν τι δεῖν, ἀλλὰ παθεῖν καὶ διατεθῆναι γενομένους δηλονότι ἐπιτηδεύουσιν.

„объясняетъ мнѣ боязливую загадку смерти и опровергаетъ мою боязнь вѣчнаго покоя. Ласточка, которую зимою мы находимъ въ оцѣпенѣніи и которая съ наступленіемъ весны оживаетъ, умершая гусеница, воскресающая бабочкой, уносящейся по воздуху, представляютъ намъ достаточный символъ нашего безсмертія“¹⁹³). Однако слѣдуетъ различать между тѣмъ, что дано непосредственно въ занимающемъ насъ поэтическомъ произведеніи, и тѣмъ, что въ немъ прямо не выражено, что можно прочесть между строками и что собственно составляетъ уже выводъ. Навязывать этотъ выводъ первоначальному автору мы не имѣемъ никакого права, какъ не имѣемъ конечно права подобно Мори усматривать въ эпизодѣ о Демофонтѣ отголосокъ сказанія о первоуродномъ грѣхѣ и паденіи человѣка¹⁹⁴). Всякая тенденція чужда нашему гимну. Напротивъ это просто безпритязательная дань похвалы знаменитымъ оргіямъ, принесенная однимъ изъ тѣхъ, которые посѣтили элевсинскій праздникъ, удостоились посвященія въ таинство и на всю жизнь сохранили благоговѣйное воспоминаніе о пережитыхъ религіозныхъ впечатлѣніяхъ. Такимъ образомъ и стр. 481 — 483 представляютъ не что иное, какъ выраженіе субъективнаго настроенія, и отнюдь не должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто въ родѣ клятвенной формулы, придуманной жрецами богини на страхъ врагамъ¹⁹⁵). По этому поводу можно было бы указать на одно мѣсто у Апулея, гдѣ говорится о томъ душевномъ состояніи, которое испытывалъ посвященный въ таинства: ему казалось, словно онъ возраждался для какой то новой и лучшей жизни и становился причастникомъ недоступнаго и непонятнаго для профановъ блаженства, — чуть не богомъ¹⁹⁶).

Что касается цѣли, которую могъ имѣть въ виду нашъ гимнографъ, то мнѣ кажется наиболѣе вѣроятною догадка Гутше. По мнѣнію этого ученаго разсматриваемое стихотвореніе предназначалось не для панаѳинейскаго или какого бы то ни было другаго агона, а для обращенія въ толпѣ притекавшихъ къ святилищамъ Деметры богомольцевъ, —

¹⁹³) Шиллеръ Собр. соч., изд. Н. Гербеля. Спб. 1875. Стр. 594.

¹⁹⁴) Maury Hist. des religions de la Grèce antique, I, p. 476.

¹⁹⁵) Такъ между прочимъ судилъ Preller (Dem. u. Pers., стр. 103).

¹⁹⁶) Apul. Metam. XI, c. 21 sqq.

служило имъ на утѣху и въ назиданіе ¹⁹⁷⁾. Въ этомъ смыслѣ оно есть памятникъ не то что „храмовой“, а, если можно такъ выразиться, „прихрамной“ поэзіи, и можетъ, пожалуй, быть сопоставлено со многими нашими народными поэтическими сказаніями и стихами въ родѣ напр. новгородской повѣсти о знаменіи отъ иконы Богородицы или извѣстныхъ духовныхъ пѣсенъ о почаевскомъ монастырѣ, о соловецкой обители, о смоленскомъ, иверскомъ, кіево-печерскомъ и другихъ чудотворныхъ образахъ Пресв. Дѣвы, о великомученицѣ Варварѣ и т. п.

Теперь, чтобы покончить съ гимномъ къ Деметрѣ, остается сказать нѣсколько словъ о времени его возникновенія. Какъ было замѣчено, въ немъ есть черты, свидѣтельствующія въ пользу весьма значительной его древности, и прежде всего сюда относится простота фабулы, составляющей его содержаніе. Стоитъ напр. сравнить разсказъ Гомерида о похищеніи Персефоны и поискахъ Деметры съ изложеніемъ того же мѣста у Овидія, Нонна и Клавдіана, чтобы замѣтить у перваго полное отсутствіе такихъ подробностей, которыя занесены въ произведенія позднѣйшихъ поэтовъ и, очевидно, представляютъ младшія развѣтвленія первоначальнаго сказанія. Гомеридъ не знаетъ ни чудесныхъ превращеній Аскалафа, Кіаны и Ареусы, о которыхъ повѣствуетъ Овидій, ни тѣхъ ужасовъ подземнаго царства, которые описываетъ Клавдіанъ. Вліяніе орфизма также совершенно чуждо его версіи. Если въ упоминаніи Нисы (ст. 7) не видѣть вмѣстѣ съ К. О. Мюллеромъ указанія на то, что связь элевсинскихъ оргій съ культомъ Діониса-Загрея могла быть уже извѣстна автору гимна ¹⁹⁸⁾, то въ послѣднемъ не окажется болѣе ничего, что прямо или косвенно намекало бы на эту связь, выраженную однако столь опредѣленно въ обрядахъ и сказаніяхъ болѣе поздняго времени. Вторую не менѣе важную черту составляетъ отсутствіе всякаго намека на синекизмъ Аттики. Гимнографъ не поминаетъ Аѣинъ ни полсловомъ, но Форики повидимому знаетъ за самостоятельный городъ, а объ Элевсинѣ говорить, какъ о государствѣ, управляемомъ въ порядкѣ героическихъ

¹⁹⁷⁾ Gutschke op. l. p. 15: „itaque hymnum recitatum esse censemus non in ipsa re sacra, sed in frequentia conventuum, quos talibus declamationibus et delectari et edoceri viri, qui sacra administraverunt, aut facile passi sunt aut curaverunt“.

¹⁹⁸⁾ Müller Eleusin. p. 294.

временъ нѣсколькими независимыми правителями (θεμιστοπόλοι βασιλεῖς). Думать, что онъ въ этомъ случаѣ намѣренно игнорируетъ отношенія и факты живой, непосредственной современности и совершенно переносится мыслью въ отжившій міръ древности, мы по справедливому замѣчанію Вилам.-Мёллендорфа едва ли имѣемъ основаніе ¹⁹⁹⁾. Къ тому же есть и иные признаки, позволяющіе признать за стихотвореніемъ права на раннюю дату. Таково напр. то значеніе, которое разказчикъ въ духѣ древнѣйшихъ эпическихъ пѣсенъ приписываетъ Олимпу. Какъ и въ поэмахъ Гомера, въ его поэмѣ Олимпъ есть священный центръ божественнаго міроуправленія (θεῶν ἀγορῇ). Каждое божество функционируетъ въ предѣлахъ своей компетенціи лишь до тѣхъ поръ, пока оно не разрываетъ связей съ этимъ центромъ; съ удаленіемъ же отъ него прекращаются и его функціи. Олимпъ служитъ такимъ образомъ тою средою, которая питаетъ и поддерживаетъ въ божествахъ ихъ сверхъестественную силу, и не только Деметра, спустившись на землю, перестаетъ быть тѣмъ, что она есть, — перестаетъ позлащать поля тучной жатвой и терять всѣ признаки божественности (срв. стг. 94 слл.), но и самъ Зевсъ, „все видящій и все знающій“ (Hes. Op. v. 267), лишается этого дара всевѣдѣнія, лишь только покидаетъ собраніе боговъ (срв. стг. 27 слл.). Черта, несомнѣнно, глубоко древняя. Но вотъ и другая такая же. Въ стг. 64—74 нашего гимна утомленная безплодными поисками богиня обращается къ Геліосу съ просьбой о помощи. „Съ высоты божественнаго эира“, говоритъ она ему, „ты проливаешь лучи свои на сушу и на море. Скажи же мнѣ правду, не видалъ ли ты, кто въ мое отсутствіе насильственно и противъ воли похитилъ дочь мою? Богъ ли то или смертный человѣкъ?“ Этоть вопросъ, это предположеніе, что смертный могъ похитить богиню, дышетъ наивностью тѣхъ временъ, когда по выраженію поэта „небожители сходили еще къ чадамъ Девкаліона“, когда человѣкъ не полагалъ еще въ своемъ сознаніи несокрушимой грани между земнымъ и небеснымъ и смотрѣлъ на себя лишь какъ на младшаго брата тѣхъ могущественныхъ личныхъ духовъ, которыми его воображеніе наполняло весь міръ и которые такъ же, какъ и онъ, были дѣтьми общей матери — Земли.

¹⁹⁹⁾ Wilam.-Moellendorff Aus Kydath. въ прив. м.

Еслибы мы знали время учрежденія элевсинскихъ оргій, то имѣли бы для нашего гимна *terminum a quo*. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Правда, К. О. Мюллеръ ²⁰⁰⁾ и Бёкъ ²⁰¹⁾ на основаніи одного мѣста у Страбона (XIV, р. 633) полагали, что уже до іонійскаго переселенія культъ элевсинской Деметры сталъ общимъ достояніемъ всей Аттики и что Гомеру, т. е. той школѣ эоло-іонійскихъ пѣвцовъ, въ которой возникли „Иліада“ и „Одиссея“, существованіе элевсинской „τελετή“ было безъизвѣстно; однако несомнѣнно, что свое значеніе панэллинскаго религіознаго учрежденія, — то значеніе, какое признаетъ за нею и авторъ гимна (срв. ст. 477, гдѣ у Павсанія читается ὄργια πᾶσιν), — она приобрѣла уже гораздо позже, и на то указываетъ между прочимъ старинная поговорка „Ἀττικοὶ τὰ Ἐλευσίνια“, употреблявшаяся по свидѣтельству Дуриса „ἐπὶ τῶν καθ' ἑαυτοὺς συλλεγομένων καὶ πρᾶττόντων τι ἀπόρρητον“ ²⁰²⁾. Самое слово τελετή не встрѣчается въ доступныхъ намъ литературныхъ памятникахъ Греціи раньше времени Гесиода ²⁰³⁾; „ὄργια“ знаетъ Солонъ ²⁰⁴⁾, а „μυστήρια“ находимъ впервые только у Геродота ²⁰⁵⁾.

Столь же затруднительно опредѣлить и *terminum ad quem*. Повидимому единственная примѣта, которою можно воспользоваться для этой цѣли, — это отсутствіе въ гимнѣ всякихъ указаній на соединеніе Элевсина съ остальною Аттикою въ одно политическое цѣлое. Извѣстно, что сильное жреческое государство, каковымъ былъ Элевсинъ въ древности, противилось объединительнымъ стремленіямъ Аѳинъ очень долго и упорно, такъ что успѣло сохранить свою независимость вплоть до VII стол. Солонъ еще помнилъ аѳинянина Телла, нашедшаго смерть въ бою съ элевсинянами и за услуги, оказанныя отечеству, почтеннаго погребеніемъ на общественный счетъ ²⁰⁶⁾, — да и не могъ не помнить:

²⁰⁰⁾ K. O. Müller Eleusinen, стр. 274 и 288.

²⁰¹⁾ Boeckh Index lect. Berol. aestiv. 1830. Стр. 4.

²⁰²⁾ Duris ap. Zenob. II, 26. См. Lobeck Aglaoph. p. 271 sqq.

²⁰³⁾ Apollod. II, 2, 2: Προίτη δὲ ἐκ Σεенеβορίας Λυσίππη καὶ Ἰφινόη καὶ Ἰφιάνασσα. αὗται δὲ, ὡς ἐτελειώθησαν, ἐμάνησαν· ὡς μὲν Ἠσίοδος φησιν, ὅτι τὰς Διονύσου τελετὰς οὐ κατεδέχοντο. Гесиоду приписывалась „Меламподія“, гдѣ могъ имѣть мѣсто подобный разсказъ.

²⁰⁴⁾ Solon. lex de sodalit.

²⁰⁵⁾ Herod. VIII, 65.

²⁰⁶⁾ Herod. I, 30.

тѣ войны, въ которыхъ онъ самъ отличался, — войны съ мегарянами изъ-за Саламина, — должны были хронологически слѣдовать за покореніемъ Элевсина весьма скоро, такъ какъ стать твердою ногою въ Сароническомъ заливѣ, когда вся аттическая земля была наконецъ собрана, для Аѳинъ представляло не только дѣло политическаго разсчета, но и требованіе прямой и настоятельной необходимости ²⁰⁷). Такимъ образомъ естественно предположить, что гимнъ нашъ былъ сочиненъ въ до-солоново время, — быть можетъ, въ началѣ VII стол., какъ думаютъ Фёрстеръ и Фландеръ, или же въ половинѣ его, какъ полагалъ Фоссъ. Но, разумѣется, въ этомъ предположеніи много гадательнаго, и мы отдаемъ ему предпочтеніе передъ другими только потому, что опорой для другихъ служатъ еще менѣе надежные признаки ²⁰⁸).

Александрійскимъ поэтамъ гомерическій гимнъ къ Деметрѣ былъ, вѣроятно, знакомъ. Такъ стт. 213 сл. могли послужить образцомъ для Теоокрита 25,38; стт. 246 слл. сходны съ Apoll. Rhod. IV vv. 877 sqq. Въ орфической литературѣ только frgm. XXXII, vv. 6 sqq. обнаруживаетъ большое сходство съ стт. 256 сл. разсматриваемаго стихотворенія. Изъ прозаиковъ ссылки на него находимъ у Павсанія (II. сс.) и Филодема (I. с.).

²⁰⁷) Wilam.-Moellendorff Aus Kyd., стр. 124 слл.

²⁰⁸) Вѣроятность принятаго нами хронологическаго предѣла значительно увеличилась бы, еслибы мы подобно Гутше, Фёрстеру, Фландеру и др. могли допустить чтеніе Маттіа 'Αθηναίοισι вм. сохраненнаго преданіемъ ἐν ἀλλήλοισι въ ст. 268 гимна. Но см. комментарий Гемолля къ этому мѣсту.